

И. РУСЛАНОВ

Молодежь
в
русской истории

И. Русланов · МОЛОДЕЖЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

И. РУСЛАНОВ

Молодежь
В
русской истории

ПОСЕВ

Printed in Germany
© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1972
Frankfurt/Main

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

14 июня 1972 года в новостях ТАСС на английском языке было сообщено, что в Ленинграде арестованы и предстали перед судом Борис Евдокимов и его жена Галина. Евдокимов признан не вменяемым и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Его жена приговорена к трем годам заключения условно и после суда освобождена.

Борис Евдокимов, по сообщению ТАСС, обвинялся в том, что он якобы связался с НТС и под псевдонимами «Русланов» и «Разумный» печатался в «Посеве» и «Гранях». В статье «'Подполье' Сергея Разумного», помещенной в «Ленинградской правде» от 15 июня 1972 года приводится фарс суда над Борисом Евдокимовым и его женой.

Очерки и статьи Ивана Русланова (он же и Сергей Разумный, как утверждает ТАСС) печатались в журналах «Грани» и «Посев». В «Посеве» был напечатан очерк И. Русланова «Жизнь в тюрьме» (№ 4, 1968, и № 4, 1971), а также Сергея Разумного «Вариант газовой камеры» (№ 2, 1971), «Расстановка политических сил в КПСС» (№ 5, 1971) и «Что народ ждал от 'праздников' и как они прошли» (№ 11, 1971).

Предлагаемая здесь большая историософская

работа его — «Молодежь в русской истории» — напечатана впервые в журнале «Грани» (№№ 68, 80 и 81). Она полнее всего отражает духовные и политические позиции автора, в ней дается видение дальнейшего пути России к осуществлению синтеза культуры.

Читатель этой книги может сам судить о «неизменяемости» ее автора.

Молодежь — будущее страны. И не только непосредственное, «физическое» будущее, определяемое одним поколением. У каждого поколения есть своя духовная жизнь, свои идеалы, верования, надежды и мечты. От того, насколько эти идеалы и мечты, эта духовная жизнь являются значительными, насколько их содержание определяется запросами истории, насколько молодежь данного поколения сумеет откликнуться на призыв эпохи, зависит, сумеет ли она, став «отцами», передать свою духовную эстафету своим «детям». Духовная преемственность поколений — вот что определяет будущее страны, проверяет ценность и жизненную стойкость идеалов, устоев, надежд и верований. Духовная жизнь поколения — это культурное творчество нации. Когда духовная жизнь молодежи интенсивна, когда идеалы ее органичны, когда молодежь полна энтузиазма, когда она во имя своих верований и идеалов идет в огонь — тогда не закончено еще культурное развитие народа. У такого народа есть будущее, культура его развивается, создается. Когда молодежь становится «благоразумной» и «рассудительной», когда идеалы ее плоски и умеренны, а «бунт» — всего лишь хулиганские выходки, определяемые «болезнью роста», — это значит, что культурное творчество исчерпано, здание завершено, будущего нет, есть только прошлое, история...

Если «отцы» передают свою духовную эстафету «детям» и содержание этой эстафеты не противоречит сложившимся устоям жизни, народному самосознанию, духовным идеалам, всему тому, что составляет общественно-государственный строй — это значит, что строю стоять еще долго. Духовные заветы каждого молодого поколения только усиливают, укрепляют то, что было добыто «отцами». Такова была духовная эстафета Московской Руси, передаваемая из поколения в поколение. Содержание этой эстафеты сводилось к следующим идеям: православие как духовная основа всей жизни, здоровое национальное чувство и определяемая им внешняя политика, целью которой является объединение Руси, подчинение окраин, расширение Руси до естественных географических пределов, борьба за выход к морям. В идеале — освобождение православных из-под турецкого гнета, крест на св. Софии, объединение славян. Идея о Руси как о Третьем Риме. Государственно-политическим идеалом была царская власть. Царь олицетворял Русь. Без царя не могло быть власти, не могло быть Руси. Царь стоял над всеми и объединял всех.

Эти идеи создали русскую нацию, легли в основу русской культуры, они передавались поколениями, они были духовной эстафетой, передаваемой вплоть до Петровских реформ.

«Отцы» и «дети» Московской Руси были едины, духовного бунта молодых не было. Было взаимопонимание, связь и уважение к «отцам» (а их

было за что уважать: они крепили Русь), было культурное строительство.

Петровская реформа впервые в истории России создала проблему «отцов» и «детей». Отцы были за старое, дети — за новое. Вместе с бородой и старомосковской одеждой исчезло и уважение к «отцам» и всему прошлому, т. е. к истории, к России... Свое стало казаться смешным, стыдным, нелепым; напротив, всё иностранное восхищало, вызывало преклонение. Были поколеблены духовные основы Московской Руси. Впервые было поколеблено православие как духовная основа общества. С Запада в высший класс общества стали попадать и распространяться новые негативные идеи, религиозный скепсис; пока он был неглубок еще, но уже получил свою питательную среду. Возникшее презрение к национальным формам жизни вызвало религиозную терпимость, терпимость в исторических условиях Петровской России неизбежно должна была повлечь и повлекла религиозную индифферентность в возникающем новом европеизированном высшем классе. Пример неуважения к религии показывал порой сам царь.

Упразднение патриархии и подчинение Церкви светскому бюрократическому управлению было не только изменением привычной формы церковного управления, оно исказило саму идею русского православия, изуродовало его душу... Реформа Никона, хотя и затронувшая разные стороны церковной жизни и вызвавшая раскол, не поколебала

православие как духовную основу общества. Реформы Петра, затронувшие Церковь только внешне, поколебали ее внутренние духовные основы. С Петровских реформ Церковь перестала быть единственной и бесспорной духовной инстанцией для всех русских. Церковь перестала быть единственным духовным оплотом, появились ее соперницы — западная наука, философия, политика.

Была подорвана идея царя как единственной формы национальной, народной русской власти («Без царя нет Руси»). Приблизившись внешне и лично к народу, царь-плотник внутренне стал... немцем! («Царя немцы подменили в Стекольном, а это не царь, а немец».) Возникла мрачная легенда о царе-антихристе, она была немыслима в Московской Руси. Царь перестал быть русским царем, он стал императором всероссийским... В это же время высший европеизированный класс узнал, что кроме традиционной формы власти существуют и другие, представляющие, может быть, для этого высшего класса даже больше удобств, — например, республики, конституции...

Наконец внешняя политика перестала носить исключительно русский, национальный характер. Россия вступила в так называемый европейский концерт и стала в нем играть на европейской скрипке вместо русской балалайки, а, начиная с XVIII века, русские чудо-богатыри стали усиленно удобрять своими трупами европейские нивы ради интересов высокой европейской политики...

С Петра началось на Руси великое шатание всего и вся, не закончившееся по сегодняшний день...

Молодая Россия Петра передала свою духовную эстафету, но содержание этой эстафеты не было пока ни национальным, ни творческим, оно заключалось в одном слове: европеизация. Весь XVIII век Россия просидела в европейской школе, прилежно слушая своих учителей, по преимуществу немецких и французских. Учителя были строги и порой пребольно наказывали свою ученицу за нерадивость, леность и плохой характер, кроме того, ученица вообще не вызывала в учителях никаких симпатий, а даже, напротив, скорее, совсем наоборот... Тем не менее симпатии есть симпатии а деньги есть деньги. Ученица слишком хорошо платила, чтобы пренебречь ею, а учителя были по-европейски добросовестны, и когда к XIX столетию ученица закончила курс, то оказалось, что она не только многому научилась, но и сама многому может поучить... С XIX века возникла небывалая по своей силе, свежести и таланту русско-европейская культура, европейская по форме, русская по содержанию.

Весь XVIII век молодежь активно поддерживала сложившийся строй жизни. Отцы передавали эстафету детям. Но вторая, Петербургская европейская Россия просуществовала всего 200 лет, потому что было великое шатание всего и вся...

Россия XVIII века была воистину страной молодых, страной великих надежд и блестящего настоящего. Но за блеском и роскошью петербургских дворцов, парадов на Марсовом поле, велико-

лепием Царскосельских садов и строгой красотой Петергофского парадиза не видно было того, что скрывалось за этим: шатания всего и вся.

2

Петровская реформа разъединила русское общество, создав внешне совершенно отличный от народа высший класс и отдав этот класс на обучение и воспитание европейцам.

С XVIII века русское дворянство, будучи до этого времени национально однородным (попадавшие в его состав иностранцы, сравнительно немногочисленные, быстро и совершенно ассимилировались, принимая веру, нравы, обычаи и даже изменяя совсем на русский лад свои фамилии) и тесно связанным со всем народом русским, пополнилось большим количеством служилых иностранцев, немцев по преимуществу.

Многие из них, став русскими подданными и дворянами, сохранили свою национальность, религию, быт, нравы и предания. Однако, став русскими дворянами, они чувствовали себя не только беспредельно преданными и всем обязанными государю, но и себя считали русскими людьми вполне и совершенно. Среди русских дворян, носящих нерусские имена, не только не могло и речи идти о предателях и изменниках, но они внесли в среду русского дворянства несколько не достававшее тому чувство личной чести, исполнительности, аккуратности в делах и энергии на

службе. Многие иностранные фамилии внесли огромный вклад в русскую культуру и государственное строительство и сделались славны в поколениях своих; в этой связи можно назвать такие фамилии, как Врангель, Энгельгардт, Струве и др. Офицеры и генералы с нерусскими фамилиями так же доблестно сражались и умирали за Россию, как и их товарищи с чисто русскими фамилиями. Но, умирая за Россию и преданно служа ей, они не знали и не понимали народа русского. Россию они воспринимали с государственно-юридической, в лучшем случае с исторической точки зрения.

В сходном положении «русских иностранцев», преданных России и престолу, но не умеющих писать по-русски, говорящих с трудом по-русски, думающих по-французски (в прямом и переносном смысле), оказались и многие чисто русские по происхождению дворяне, особенно из высшего круга. Из них вышли русские вольтерьянцы и их духовные дети декабристы, не могущие по-русски писать показания и просившие, чтобы им разрешили пользоваться французским языком...

Смешиваясь с иностранцами и объединившись с ними духовно и в быте, русские и нерусские по происхождению дворяне образовали в XVIII веке самый причудливый, неестественный, самый трагический за всю историю русскую (да и не только русскую) класс — русско-европейское дворянство, создавшее в свою очередь русско-европейскую культуру — это высшее достижение русского гения — и сделавшееся духовным отцом другого трагического класса — русской интеллигенции.

Русские европейцы первой половины XVIII века передали свою духовную эстафету своим детям — русским вольтерьянцам Екатерининских времен, те — масонам Александровской эпохи, из масонов вышли декабристы... На декабристах кончается ученический период русско-европейского общественного самосознания.

Декабристы не передали своим детям духовной эстафеты. Не передали, несмотря на яркость и героичность их поколения. Не передали потому, что идеи их не были органическими, потому что они не вытекали из всего хода русского исторического развития, потому что Россия начала XIX века не была Францией конца XVIII.

Декабристы не слышали голоса истории, они рядили русского крепостного крестьянина в одежды парижского санкюлота. И поэтому прав был Тютчев, когда писал («Декабристам»):

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена,
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена.

«Памяти» не было потому, что не было духовной эстафеты, духовной преемственности к следующему за декабристами поколению.

Поколения 30-х и 40-х годов пошли по совсем другому пути. Не по пути политических экспериментов, а по пути культурного творчества. Это были поколения Пушкина и Чаадаева, славянофилов и западников. Прежде чем браться за политические или экономические преобразования, нуж-

но было подготовить их духовно. Нужно было осознать ход нашего исторического развития, найти место России среди народов и понять ее призвание.

Герцен и его политическая группа развивались под влиянием этих новых культурных идей, под влиянием ожесточенных споров петербургских и московских кружков. Декабристы же, в сущности, были для Герцена таким же историческим преданием, как... предания новгородской вольницы. И вся эта «клятва на Воробьевых горах» была ведь юношеской героической декламацией в духе Шиллера...

Герцен был самым последовательным западником, доведшим свое западничество до логического предела, — до европейского социализма... Дальше было некуда, дальше надо было отказаться от России. Герцен не мог этого сделать, потому что был слишком русским. Разочаровавшись в Европе, он подошел с противоположного (европейского) конца к тем учениям, мыслям и идеям, в борьбе с которыми он начал свой путь, — к славянофильству.

Несмотря на весьма большое свое влияние, Герцен, тем не менее, не шел по столбовой дорожке русской общественно-философской мысли, не случайно и недаром он оказался в эмиграции. Политическая направленность его деятельности отомстила за себя. Влияние не перешло в духовную преемственность. У Герцена не было духовных детей. Но они были у славянофилов и западников.

Проповедь Белинского и Чернышевского, Хомякова и Аксаковых не прошла даром: они передали свою духовную эстафету своим духовным детям.

Идеалисты и исторические пессимисты 30-х и 40-х годов нашли понимание в народниках и «поздних славянофилах» 60-х и 70-х годов. Недаром «бес» Петр Степанович Верховенский был родной сын либерала и идеалиста Степана Трофимовича Верховенского...

С начала XIX века произошел разрыв между «отцами» и «детьми». Разрыв этот с каждым поколением увеличивался. Молодежь перестала понимать «стариков», да и не хотела их понимать. Русский исторический строй, обновленный Петровской реформой, дал глубокую трещину.

3

Глубокий кризис русской исторической государственности, стремлением выйти из которого были реформы 60-х годов, изменили все отношения в стране. «Реформация» 60-х годов по своему значению и влиянию на дальнейшие судьбы нашей родины может сравниться только с Петровскими преобразованиями. Петровские преобразования, внеся разрыв и шатание в русское общество, создали новую европейскую Россию, укрепили ее военную и государственно-хозяйственную мощь, вывели ее в Европу, создали

предпосылки для возникновения новой, синтетической русско-европейской культуры в противоположность старой византийско-русской, московской. Расцвет этой культуры дал миру такие имена, как Пушкин, Достоевский, Толстой и блестящую плеяду наших писателей, поэтов, художников, мыслителей, составляющих до сих пор гордость не только нашу, но европейскую. Они вошли в европейское сознание и «культурный минимум» так же, как вошли в него Шекспир, Гёте, Веласкес и импрессионисты.

Реформы 60-х годов завершили Петровские преобразования. После них наступила демократизация всего русского общества, смешение, «утончение» и кризис.

Петровские преобразования создали новый класс, противостоящий народу, — русско-европейское дворянство. Реформы создали также новый класс, оторванный от народа, — разночинную интеллигенцию. Как у европейско-русского дворянства были свои писатели, свои идеологи, свои художники, свои культурные ценности, так и у интеллигенции появились свои писатели, поэты, идеологи, художники. Как те, так и эти были далеки от народа, от его насущных задач, от его Духа. Преобразования создали разрыв, реформа этот разрыв увеличила.

Так же, как и при Петре, молодежь была в первых рядах борцов за новое. Но при Петре она поддерживала правительство (и сама составляла его), — при Александре она фрондировала и бунтовала.

Петровские преобразования были делом молодых. Сам царь был молод. И «птенцы гнезда Петрова» — тоже. Старики были против... Петровские преобразования — это борьба молодой петербургско-европейской России со старой московско-византийской.

«Реформация» 60-х годов не была делом молодых. Царю было за сорок, и его сподвижники тоже не были молодыми людьми...

Петровские преобразования положили начало глубокому разъединению народа и его высшего слоя и подорвали нашу духовную основу — православную Церковь. Но здоровый, «варварски-молодой» организм России выдержал европеизацию, «переварил» ее, просуществовал еще 200 лет, дав миру за этот короткий исторический период пример небывалого культурного расцвета.

«Реформация» усилила, расширила и углубила пропасть между высшим слоем и народом. «Интеллигенция», созданная реформами, была дальше от народа, чем дворянство. Дворянин жил с мужиком, знал его обычаи, нравы, быт; разночинный «интеллигент», сам вышедший из низов, жил в городе, народный быт знал только по воспоминаниям да из книг, душу народа не знал, да и знать не хотел, почитая ее «темной и отсталой», и стремился ее «просветить».

Если преобразования подорвали православие и породили «вольтерьянцев» и масонов, то реформа вызвала к жизни нигилистов и атеистов. Дворянство было «вольтерьянским», интеллигенция — безбожной. Верить в Бога стало очень скоро сре-

ди интеллигенции признаком необразованности, «ретроградства» и «мракобесия»... Я имею в виду, конечно, не высший слой интеллигенции, а ее массу, интеллигентскую толщу...

Свои «прогрессивные», «передовые» взгляды интеллигенция стремилась всячески передать и передавала по мере сил своим народу. С 60-х годов стал появляться тип «развитого» фабричного, гордого своей «трактирной образованностью» и своей «дружбой» со «студентом». Духовный облик этого «развитого» простолюдина гениально предвосхитил Достоевский в лице Смердякова... Именно смердяковы и составили потом основной кадр «ленинской гвардии».

Создав интеллигенцию, «реформация» создала слой людей, враждебных органически русской исторической государственности. Разночинцы получали образование, гордились своим образованием (как правило, впрочем, весьма неглубоким или специально-односторонним), но не получали прав и власти. Права и преимущества имело привилегированное сословие — дворянство, власть тоже находилась в руках этого сословия. Разночинцу оставалось только глубоко ненавидеть всех «привилегированных» и стремиться к свержению строя, органически чуждого ему. Новый слой — интеллигенция — была молодым и постоянно расширяющимся слоем общества. Интеллигентская молодежь скоро оказалась в первых рядах общественного движения, формируя его, увлекая за собой молодежь из других классов.

С 60-тых годов проблема «отцов» и «детей» определилась: молодежь, разночинцы, интеллигенты, нигилисты, революционеры, демократы, прогрессисты, атеисты, народники и марксисты — «дети»; либералы, чиновники, дворяне, «реакционеры» — «отцы». «Студент» — стало нарицательным именем для революционера. Молодежь стала наследственно революционной. Русская историческая государственность была обречена. После «реформации» ее крах был делом только времени. Россия просуществовала еще 50 лет, за это 50-летие русский гений достиг небывалых вершин во всех областях науки, литературы, искусства, но не надо забывать, что Достоевский, Толстой и даже Щедрин и Некрасов были людьми «дореформенными», сформировавшимися в Николаевскую эпоху...

Причины, приведшие к гибели Петербургскую Россию и к противопоставлению власти и общества, заключались в том, что Петровские преобразования, хотя и проведенные гениальным человеком, подорвали незыблемое до них чувство национального достоинства, национальной духовной целостности, унизив глубоко всё родное русское, оторвав высший слой от народа и смешав его с иностранцами, создали из этого высшего слоя трагический класс, преданный России, но далёкий от народа русского. Были подорваны: духовная идея (православие) и государственная (незыблемость власти царской). Преобразования были необходимы, но проводить их надо было только русскими руками: не оскорблять чувство на-

ционального достоинства, не отбрасывать национально-культурные традиции, а обогащать их западно-европейскими. Преобразования в Японии, начавшиеся в 1868 году, так называемая «эпоха Майдзи», проводилась именно на основе этих принципов: «иностранных специалистов» было минимальное количество, и они сразу же увольнялись по минованию надобности в них, не оседая в Японии и не сливаясь с японским правящим слоем. Преобразования не только не оскорбляли национального духа и национальных традиций, а напротив, укрепляли их, обогащая европейской культурой. Европеизировав Японию внешне, они не затронули ее внутренне, духовно. Японские традиции, «Бушидо» (моральные принципы) и «Набушиге Гоцуми» (культ предков) остались в Японии XX века (во всяком случае, в первую его половину) такими же, какими они были в Средние века... Всё это привело к сохранению исторической государственности, к сохранению национально-государственного сознания, к национальному единству, отсутствию социальных потрясений и катаклизмов и к небывалому экономическому и научному расцвету страны.

Реформы 60-х годов также были необходимы. (Фактически они были, конечно, необходимы еще и раньше.) Но в противоположность преобразованиям, проведенным слишком «радикально», они не были доведены до своего логического конца — конституции. Создав интеллигенцию, необходимо было предоставить ей место в политической жизни страны; вместо этого интеллигенция

— слой по самому своему характеру политически активный — была лишена права на общественно-политическую деятельность и уже этим самым отброшена в оппозицию. В этой связи нельзя не обратиться снова к примеру Японии. Японские преобразования естественно перешли в реформы и завершились конституцией. Создав интеллигенцию, реформы дали выход её политической активности. Причем японская конституция, являясь вполне национальной, сохранила сильную императорскую власть и исходила из реального политического положения, будучи далека от всякого рода утопических увлечений и механического перенесения на японскую почву европейского исторического опыта.

Благодаря всему этому японская интеллигенция была всегда национально мыслящей, политически здоровой, глубоко преданной национально-государственным идеалам, далекой от утопических увлечений, в полную противоположность интеллигенции русской, с самого своего возникновения чувствующей себя «обиженной», лишенной того, что составляет необходимую для жизни этого слоя духовную атмосферу, — общественно-политической деятельности. Отсюда политическая болезненность нашей интеллигенции, её историческая оппозиционность «во что бы то ни стало», слепая и озлобленная революционность, приводящая порой к настоящему «беснованию»: объективному отказу от России, «пораженчеству», радости по поводу русских военных неудач; отсюда полная потеря политической реальности у

интеллигентских политиков и мыслителей, слепое увлечение самыми нелепыми, самыми утопическими идеями (это относится как к «западническому» — марксистскому крылу революционной интеллигенции, — так и к её «славянофильскому» — народническому), ее ненависть к правительству, переходящая в ненависть к России вообще (объективно), её космополитизм, интернационализм, непонимание русских национально-государственных задач, теоретичность и догматичность её мышления, полное непонимание реальной жизни, вытекающее из подобного мышления. Русская интеллигенция была и осталась вплоть до её уничтожения большевиками (большевизм сам является порождением интеллигенции, «развитием, переходящим в отрицание», логическим завершением революционного «бесовства», осуществленной шигалёвщиной) самым болезненным, самым нездоровым общественным слоем не только в русской, но и в мировой истории, несущим полную историческую ответственность за гибель России.

Начиная с 60-х годов, ведущим общественно-политическим строем становится интеллигенция. Именно этот слой, являясь наиболее политически активным, выдвигает политических теоретиков и... подпольных практиков. В этой теоретической и практической деятельности ведущее значение принадлежит интеллигентской молодежи. Молодежь эта, становясь «отцами», передает свою духовную эстафету «детям». Духовная преемственность продолжается непрерывно с 60-х

годов до гибели интеллигенции в огне гражданской войны, до уничтожения ее остатков большевиками в России. Сущность этой эстафеты заключалась в неприятии и отрицании русского исторического пути. Неприятие и отрицание это в разной форме и в разной степени содержится во всех русских либерально-революционных (т. е. интеллигентских) общественно-политических учениях и программах, от кадетских до эсеровских и марксистских.

Среди уцелевшей и ушедшей в великое первое рассеяние части русской интеллигенции началась работа по переоценке идейного наследства в свете апокалиптического опыта русской революции. Работа эта, продолженная и развитая вторым поколением эмиграции, привела к созданию нового синтетического мировоззрения — солидаризма, нашедшего своё политическое воплощение в новой российской политической реальности — Народно-Трудовом Союзе.

4

Настоящие художники слышат то, чего не слышат еще другие, даже люди «житейского опыта и мудрости». Художник чуток, он слышит малейшие шорохи времени. И он зорек. Он видит не только то, что рядом с ним, «вокруг», но далеко, так далеко, как не может увидеть ни один специализирующийся на исторических предсказаниях теоретик и фантаст. Он видит на десяти-

летия вперед. Теоретик и фантаст видят дальше. На столетия. Но когда время приближается, то увиденное теоретиками и фантастами оказывается миражами и галлюцинациями...

Это потому, что предвидение — как зрение, имеет свои пределы... Дальше же, за пределы зрения, не видно. Дальше можно только гадать... «Зрение», данное художнику, бывает разное. Одни хорошо видят вокруг. Другие — и вокруг, и вперед. На десятилетия. Иногда на много десятилетий...

Бывает так, что художник, которому дано видеть и слышать всё «вокруг» так, как никто другой не видит и не слышит, хочет увидеть и дальше... Но правда жизни сильнее, раз «не дано», значит, нельзя. Значит, не видно. Не видно так, как можно увидеть на десятилетия. И тогда такой художник начинает мечтать. Мечтать далеко. На столетия. И из мечтаний его получается что-то смешное, наивное. И... ужасно заурядное. Что-то вроде чеховского сада через триста лет...

Великий художник может быть великим мыслителем, но может и не быть им. Но даже если он и не мыслитель, он поймет, почувствует, увидит и услышит, а главное, сумеет рассказать обо всем этом лучше и больше, чем иной присяжный философ.

Русскую душу, русскую жизнь, русский быт, русского человека поняли и объяснили десять русских писателей. Пушкин и Гоголь, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Лесков, Чехов, Бунин и Мережковский.

В России были и другие писатели. Не ниже, а может быть, и выше некоторых из десяти. Но никто не сумел глубже объяснить и понять самое сокровенное в русской душе.

Они видели и слышали то, чего не видел и не слышал еще никто. И умели рассказать об увиденном и услышанном. Так рассказать, как никто другой не умел.

Великий писатель не может подчинить себе творчество. Творчество сильнее него. Потому что творчество — это проявление гения. А гений сильнее человека.

Человек может быть христианином, монархистом, демократом, социалистом и даже атеистом, «даже» — потому, что быть атеистом и гением почти нельзя. Гений — это дар Божий, «искра Божия», *часть Бога в человеке*. Как же можно иметь Бога в сердце и не чувствовать Его? Человек может быть плохим и хорошим, слабым и сильным, добрым и злым. Гений же всегда останется гением, независимым от человека, которого он выбрал своим орудием.

Вот почему «для лакея нет гения», и не потому только, что «лакей» не в состоянии понять и оценить гения, а главным образом потому, что, как писал Шопенгауэр, гений бывает гением только немного часов в своей жизни. Тогда, когда он творит... *Человек становится гением только в делах своих.*

Гоголь был христианин и монархист, апологет существующего в России порядка. Но он увидел чичиковых и хлестаковых. Увидел русскую пош-

лость, грязь, увидел русского черта (Хлестаков — русский черт, страшный своей пошлостью), увидел изнанку русской души. А увидев, не мог не рассказать об увиденном. Не мог, хотя и не хотел рассказывать, потому что хотел видеть другое... Гоголь человека хотел видеть в России — Костанжогло и Муразовых, но Гений Гоголя увидал чичиковых и хлестаковых, маниловых и собакевичей...

Толстой — непротивленец и религиозный искатель, позитивист и народник, «всечеловек», чуждый «национальной ограниченности» — видел и понял душу народа русского на войне и в мире.

Болконский и Вронский — это те люди, которыми держалась Петербургская Россия. Вот они перед нами со всеми своими недостатками и со всей своей силой... Они, конечно, очень разные, такие разные, как сама жизнь. И, кажется, что общего между ними? Блестящий Болконский и весьма обычный Вронский. И в мыслях и поступках они несоизмеримы. Общее то, что как тот, так и другой — люди дела и воли, люди, умеющие хотеть и умеющие осуществлять свое хотение, «строители империи», те немногие герои русской литературы, которые не только объясняли жизнь, но и жили. Болконский объяснял и жил. Вронский только жил.

Каратаев — это две стороны русской народной души: покорность и сила. Сила в долготерпении, в выносливости, в умении приспособиться ко всему и все вынести. И еще — в умении умереть. (Мужики-то как умирают!)

На этих «двух сторонах» стояла Россия...

Пьер и Левин — «зарницы», это мятущаяся, ищущая, кризисная Русь.

Гончаров — это «Обломов», спящая, ленивая Россия, русская пассивность, вторая грань нашего исторического греха; первая — гоголевская грязь и пошлость. Гончаров — это и «Обрыв», обрыв жизни русской, когда дальше идти уже «некуда», дальше — «бесы». «...Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло...»

Гончаров показал тип нарождающегося «революционно-демократического» хама. Третья грань русского греха.

Тургенев впервые назвал по имени этих молодых, плюющих на всё и всех, признающих одну «материю» («сапоги выше Шекспира») и «тело» («роскошное, хоть в анатомический театр»). Всё просто и ясно... От этой простоты и ясности необычайный восторг на душе. Помилуйте, чего лучше: «...при правильном устройстве общества совершенно будет равно, глуп ли человек или умён, зол или добр». Ведь в этой базаровской фразе вся суть русского революционного движения заключается! Принципы, идеалы? Гы, гы! слова-то какие смешные, не русские даже! Любовь? Гы, гы! Бабец ничего...подходящий. Россия? Га, га, га! хо, хо! Ох, мочи нет, уморили совсем... Россия, батенька мой, глупость. Вот немцы — дру-

Но, приехав в столицу или в Москву, интеллигент очень скоро убеждается, что и там скука. В общем, «среда заела».

— Но позвольте, ведь кругом дела непочатый край, оглянитесь только господин интеллигент.

— Э, батенька мой, какое там дело, когда среда...

Чеховский интеллигент — это тот же Обломов, только лишенный крепостных душ и вынужденный поэтому служить. Обломов, «оцивилизованный» передовыми журналами и книгами и поэтому несколько попорченный нравственно. Впрочем, «оцивилизован», к счастью, в сравнительно небольших количествах, и поэтому благодушие и благонамеренность душевную он в значительной доле сохранил. Говорят, что Чехов — это «будни». Но в будни надо работать. Чеховский интеллигент пьет, скучает, играет в карты, в лучшем случае служит (очень плохо, впрочем), но работать он не может. Не может, органически не может оглядеться вокруг и взяться за дело... за русское дело.

Чеховский герой (антигерой — сказали бы теперь) может еще и мечтать. Мечты, правда, всё какие-то «приземистые». О саде с крыжовником, например, или, как пример самой поэтической мечты, о том, что через 300 лет вся земля вдруг станет сплошным садом — крыжовника, стало быть, будет в избытке... Не правда ли, как трогательно? Всё, дескать, к лучшему идет. Жаль, правда, что через триста лет, — зевает интеллигент, — а сейчас вот скука, безвременье.

Интеллигент мечтает благодушно, с зевотой. И любит он с зевотой. Позевал, позевал, да вдруг и влюбился в даму с собачкой. Позевал, позевал — и разлюбил. Еще позевал — и пулю в лоб пустил. Зачем? Почему? Ску-у-у-у-учно.

С Чехова в русской литературе появилась тема культурного оскудения, измельчания русских культурных людей, превращающихся в «интеллигентов».

Бунин — это ужас «деревни», вымирание дворянства, обмельчание русского человека, крушение жизни. Великое крушение России.

Лесков — самый русский писатель. Никто не знал так хорошо современную ему Россию, как он. И никто так беспощадно правдиво не изобразил ее и ее людей.

Лесков — не правый, не левый, не монархист и не республиканец. Лесков — русский. Русский прежде всего. Поэтому никто, наверное, за исключением Пушкина, не владел так блестяще настоящим русским языком. Не сословным, а русским. Он был очень страстный человек и бесстрастный писатель. Не олимпиец, конечно, нет, олимпийцем в России быть невозможно (к нашей жизни невозможно было никогда относиться спокойно, «со стороны», мы и зеваем, и скучаем, и бездельничаем, протестуя, просто это наша национальная форма протеста против существующих форм жизни), а писатель, в высшей степени независимый от всяких партий, политических, религиозных и социальных заданий. Поэтому он и остался всем чужим. И нигилистам, и архиереям.

Чужим потому, что на самом деле был свой для всех. Свой для всех явлений русской души и русской жизни. Но и у Лескова не было героев. Были праведники, а вот героев не было.

— А где же русский костяк?

— Позвольте, какой костяк?

— Люди, которыми создавалась и держалась Россия, герои русского дела и русской жизни...

— Хм, хм... не припомню что-то... Вот капитан Тушин разве... Платон Каратаев.

— Позвольте, позвольте, да какие же капитан Тушин и Платон Каратаев герои? Разве что с приставкой «незаметные»... Ну, а ведь у нас были и без приставки. Были же Ермоловы, Скобелевы, Макаровы, Седовы, Менделеевы, Нестеровы, Столыпины... были ведь у них и помощники, строители империи, герои русского дела и русской мысли...

— Болконский — герой двенадцатого года...

— Значит, кроме Нехлюдова, ничего?

ну, а потом... да и вообще кто же еще после и кроме Болконского?

— После Болконского..? После Болконского героев не было... то есть в таком стиле... вот человеколюбие было, мягкость там разная, мечтательность, любовь к народу и вообще к ближнему, обличение ближ... то есть не порядков русской жизни, я хотел сказать...

— Да нет, не обличение! Напротив, утверждение жизни я имею в виду...

— Эх ведь вы! Утверждение! А если утверждать нечего?

— Так уж и впрямь нечего? Ну, а хотя бы просто воля к жизни где?

— Помилуйте, какая уж там воля к жизни! У нас, батенька мой, гуманность, мягкость, лиризм и вообще жизнь Арсеньева...

— Позвольте, позвольте, я не про то, не про лиризм и загадочность русской души, а про ее силу, про ту силу, что Россию создала... про костяк ее.

— Эк ведь вы, батенька, куда загнули! Костяк да костяк какой-то! Размягчился костяк-то... был да весь вышел...

— Так уж и вышел?

— Совершенно вышел. Вы вот на Нехлюдова хоть посмотрите... Вронский, так тот служить мог... А такой что может? Ничего он не может. Ничего.

— Нехлюдов — совесть русского образованного общества...

— Совесть? Полноте! Не совесть русского образованного общества, как изволили вы выразиться, а бессилие его. Нехлюдов — Будда русского общества, России, если хотите... А Будда, как известно, приходит к концу, к закату... Да и не Нехлюдов Будда, Нехлюдов — один из образов Будды... Будда — сам его создатель, граф Лев Николаевич Толстой. Только Будда этот неудавшийся.

...Ведь ничего у нас не удалось... ни преобразования, ни реформы, ни парламентаризм, ни революция, ни Будда...

— Значит, кроме Нехлюдова, ничего?

— Нет, почему же? Вот еще мелкопоместные Бунина...

— А дальше?

— Что дальше? Всё. Конец. Дальше — босяки Горького и советский маразм.

У Достоевского особое место. Достоевский не только и, пожалуй, не столько писатель. Достоевский — пророк. Пророк России. И пророк грозный. Достоевский видел вперед на десятилетия. И увидел он... бесов. Петр Верховенский — это Ленин в семнадцатом году. Мечты Шигалева — это советчина с 1917 года и по наши дни. Смердяков — это душа революционно-демократически-большевистско-коммунистического хамства. Духовный образ «советского человека».

Без Бога нет морали. Только Бога нельзя обмануть, потому что Бог «всё видит». Нет Бога — нет и морали. Нечем обосновать ее. Нет никакой высшей санкции. Общество? Общее благо? Государство? Но всё это — «человеческое, слишком человеческое» и как таковое не имеет высшего обоснования. Почему Я, живущий на земле временно и только один раз, должен жертвовать собой во имя других? Вот простой, примитивно простой вопрос, на который материалистическая мораль никогда не сможет дать вразумительного ответа. Если нет Бога, то нет и морали, если нет морали, то всё позволено (я живу только раз на земле, и очень немного, значит, моя жизнь — самое ценное в мире), и если всё позволено, то человек становится на место Бога, он хозяин жизни и смерти — как своей, так и чужой. Человек

выше Бога, и рай существует только на земле, люди сами должны построить рай (социализм). Для этого, если потребуется, надо уничтожить всех, кто противится этому. Здесь ведь «простая арифметика»: для всеобщего счастья, для счастья большинства можно и нужно пожертвовать жизнью меньшинства, раз это меньшинство мешает всеобщему благоденствию. Кровь разрешена по совести. Для всеобщего блага. Цель оправдывает любые средства. Человек — ничто, масса — всё. Человек — для массы, для общества, для государства, для всеобщего блага, а всех, кто противится, — уничтожить. Вот моральная философия русских революционеров-социалистов, от нигилистов до большевиков. Достоевский рассказал об этом в своих творениях.

В России бесы, но и на Западе ничего. На Западе только «дорогие могилы», торжество мещанина, гибель культуры, развитие цивилизации, закат Европы. Кажется, нет спасения. Надежда только на Бога... Но а если такова Его воля? Ведь пути Господни неисповедимы... Достоевский — пророк. Но Достоевский — и человек. Русский человек. Как русскому человеку ему хочется мировой гармонии, всеобщего примирения. Он устал от ужасов своего видения. Он засыпает. И видит сон. Смешной сон. Смешного человека, — как сказал он, когда проснулся...

Мережковский — не создатель, он — истолкователь. Великий истолкователь русских мыслей, чаяний и надежд. Историк русской литературы. Не критик, а именно истолкователь. И не

просто истолкователь, а объяснитель, и в объяснении своем пророк. Грядущий хам стал явью. Явью не только на советчине, где он явился в бесовском обличи большевизма, в виде помеси Петра Верховенского со Смердяковым, но и на Западе, в образе благопристойного и довольного собой и жизнью мещанина, ибо торжествующий хам — это торжествующий и всеобщий всемирный *мещанин* нашего машинного века.

Грядущий хам оказался хамом торжествующим...

Мережковский был художником русского культурного самосознания. Его герои — это идеи, образы, мысли русского культурного общества. Не столько предвидение, сколько осмысление русского прошлого. Отсюда его историчность. Не простая, а философская. Через прошлое — сегодняшнее и будущее. Кроме него, в нашей литературе нет философии истории, данной художественными средствами.

Был еще чудесный поэт Блок. Не писатель, а только поэт, певец России Петербургской. Поэтому он не в десятке, но миновать его просто нельзя. Он много видел и слышал. Хотя не всё, далеко не всё понял. Антихриста принял за Христа... Но разве он виноват? Ведь еще в Писании сказано: «...многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят».

Русская литература не создала образа настоящего, положительного героя. Не создала его не

потому, что такого героя не было вообще, а потому, что сама русская литература создавалась и развивалась в эпоху всё усиливающегося кризиса русского общества. Русская жизнь с XIX века вся проникнута ощущением какой-то болезненности, смятенности, фантастичности. И все это, несмотря на кажущееся внешнее благополучие и устойчивость. Неестественно и фантастично, что до второй половины XIX века большинство (огромное большинство) русских людей было рабами меньшинства тех же самых русских людей. Рабство всегда противоестественно, но оно становится совершенно *фантастическим, невозможным*, когда рабами является большинство населения цивилизованной страны. В античные времена рабами были иностранцы, побежденные, люди, чужие по крови и духу. В Америке рабами были негры, купленные в Африке. Даже в восточных рабовладельческих деспотиях рабами были побежденные. Рабы — граждане своей страны — во все времена, у всех народов, за редкими исключениями, составляли незначительное меньшинство среди рабов-иностранцев, рабов-побежденных. Только в России огромное большинство граждан были рабами... Русские рабовладельцы не были ни иностранцами, ни замкнутым наследственным сословием. Древних многовековых родов дворянских было немного, значительная часть рабовладельцев была не древней породы, сами выходили из рабов услугой либо личной, либо во втором, много — в третьем поколении. Это создавало еще большую неестественность и фантастичность в

жизни русской. С развитием в России культурных начал, с проникновением в неё западноевропейских идей и гражданственности, русский рабовладелец всё больше и больше терял уверенность в своем праве на крепостные души. Он не мог отказаться от этих душ, потому что был человек, обыкновенный человек, а обыкновенному рядовому человеку, конечно, весьма трудно добровольно отказаться от унаследованных, а тем более приобретенных привилегий, богатства, власти, даже если он начинает смутно осознавать, что все эти привилегии, богатства и власть находятся в противоречии с религией, моралью и национально-гражданским чувством. Раньше, во времена Московской Руси и петербургских императриц, всё было ясно и определено. Существующий порядок, а стало быть, и рабы были от Бога. Ибо «искони было так и иначе быть не могло». Дворянин даже и не думал об этом, настолько это было просто и ясно. Впрочем дворянину и некогда было думать. Ему надо было служить, сражаться, делать карьеру. Думать он стал потом, когда получил вольность дворянскую, стал ездить за границу, почитать иностранные книжки, главным образом — французские. Тогда ему стала всё чаще и чаще приходить в голову смутная мысль, что «всё как-то не то...» Вначале он гнал от себя эту мысль, да и сама мысль была очень уж неопределенная, «оно хоть и не то, да искони у нас так, и иначе нельзя, народ у нас необразован и ленив, это не французы и не немцы даже...» Потом, по мере того как дворя-

нин всё более и более цивилизовался, мысль о том, что «всё не то», становилась всё настойчивее и настойчивее, пока не перешла в уверенность. С того времени всё смешалось, наступил страшный разлад русского дворянского сознания. Будучи уверен, что «все не то», дворянин был не в силах отказаться от всех тех преимуществ, которые ему давало это «не то». Отсюда пошли «кающиеся дворяне», отсюда дворянско-интеллигентская беспочвенность, истеричность сознания, вечная раздвоенность, недовольство собой и окружающим, трагичность жизни. А из этого в свою очередь вытекало безволие, фантастичность, склонность к крайностям, чувство собственной неполноценности. От дворянства эта ущербность сознания перешла в качестве «культурного наследства» на интеллигенцию — класс еще более болезненный, еще более лишенный традиций и почвы.

Недовольство жизнью, внутренний, скрываемый и уже не скрываемый стыд за себя, за свое бессилие, за свою неправду всё более и более охватывали русское общество, пока, наконец, не стали почти всеобщими.

Высший класс общества понемногу совсем потерял веру в свое право. В право на господство, на руководство, на пользование благами жизни. Если люди теряют веру в свое право на господство, они теряют и само господство.

Когда были проведены реформы, было уже слишком поздно. Развращенные и ослабленные даровым трудом, привыкшие к праздной бездея-

тельности и мечтаниям, потерявшие от самобичевания веру в свои силы и остаток воли, вчерашние рабовладельцы оказались совершенно не способными к жизненной борьбе.

Эту раздвоенность, эту смятенность, это сознание надвигающейся катастрофы почувствовали русские писатели. Это было главное в русской жизни — её фантастичность, её неудовлетворенность, катастрофичность сознания. Поэтому и не было героя, не было «строителя империи».

Только Пушкин мог еще быть гармоничным. Он мог быть гармоничным не только из-за особенностей своего таланта и своего характера (кстати, не отличавшегося гармоничностью), но и из-за «особенности времени». Сомнения в своем праве на власть среди русского дворянства во времена Пушкина только начинались. Самобичевания же и вытекающей из него неврастности вообще не было. Поэтому Онегин (как и Чацкий) не столько «выражал» собою внутренний кризис русского общества, сколько «отражал» модные западноевропейские теории и настроения.

В последекабристской поэзии Лермонтова мотивы разочарования и неудовлетворенности получили более глубокое развитие. Тем не менее, глубина русского духа и русской жизни получили у Пушкина более разностороннее отображение. Творчество Лермонтова было ещё слишком юношеским и потому подверженным внешним западным влияниям, более заметным. Гений Лермонтова не уступал Пушкинскому гению, а может быть, даже и превосходил его, но он не успел раз-

виться, не успел сделаться в полном смысле национальным, народным. Двадцати шести лет слишком мало даже для такого гения, как Лермонтов...

Русская литература была литературой молодой и о молодых. Пожалуй, ни в одной другой литературе не встретишь так много молодых героев, как в русской. Впрочем, других героев, кажется, и не было вообще. Умудренных опытом фаустов у нас нет и быть не могло. Даже сорокалетние встречаются редко и выглядят как старики. Не потому ли, что вся она была устремлена в будущее, потому что только и можно было жить верой в будущее...

Русская литература отразила и показала русскую жизнь и русских людей XIX и начала XX века, как не могло этого сделать ни одно историческое или философское исследование. Ведущим «слоем» русской жизни этого времени была молодежь. Русская литература показала и объяснила, чем и как жила эта молодежь.

Русская литература — не зеркало русской жизни. Зеркало только отображает. Отображает внешнее. Русская литература не только отображает внешнее «тело», она «отображает» и внутреннее: «душу» России, русской жизни, русского человека. И не только отображает, но истолковывает, объясняет. И не только то, что есть «сейчас», но то, что «будет», то, к чему «идет».

Русская литература — не зеркало, а философия русской жизни, русского духа.

Вы хотите знать и понять русскую душу? Читайте русскую классическую литературу.

5

С 60-х годов болезнь исторической России непрерывно прогрессировала. Россия была смертельно больна и металась в бреду. Бессмысленное и гнусное убийство царя... Царя-Освободителя, царя-реформатора... Нигилистическо-революционное бесовство, с попытками нового самозванства (дело Дейча), с убийствами и поджогами... Радость по поводу русских неудач в 1905 году, помещицьи «иллюминации» (по гнусному выражению одного известного либерального деятеля), кровавые бунты и убийства на улицах среди белого дня представителей власти, от городского до министра. Деморализация администрации («положение хуже губернаторского»), «Дума народного гнева» с её призывами не подчиняться властям. Всё это — со стороны либерально-революционно-демократической «общественности». Со стороны же правительства — бессмысленный и преступный расстрел безоружной демонстрации с хоругвями и царскими портретами, кровавое подавление забастовок, пример, играющий на руку врагам трона и ненавидящим его сторонников; директор департамента полиции, становящийся политическим эмигрантом и выдающий революционерам своих секретных сотрудников, губернатор-большевик, невиданное разложение в придворных сферах и —

как венец всему — распутинщина... Всё это с полной неизбежностью привело тяжело больную Россию к февральскому параличу и смерти в октябре того же семнадцатого года.

С 60-х годов дворянство не только непрерывно разорялось и теряло свои земли, а вместе с землями и свое общественное положение, но оно теряло и несравненно большее: веру в справедливость своего господства, веру в себя. На смену кающемуся дворянину пришел дворянин беспочвенный. Беспочвенный не только в прямом, но и в переносном смысле слова...

Неуверенность, страх и предчувствие какой-то надвигающейся катастрофы все больше и больше охватывали дворянскую интеллигенцию. Настроения эти стали распространяться к концу века и на широкие интеллигентские слои. Чувствовалось, что дальше «так» продолжаться не может, что «должно что-то случиться».

Поэтому идеи западноевропейского декаданса получили в русской культурной среде широкий отклик и понимание. Дело здесь было не в одном механическом восприятии очередной западной идейной моды. Дело было в том, что «мода» эта очень уж пришлась ко двору... Если политические идеи декабристов были совершенно чужды историческим задачам, стоявшим перед Россией, то культурные идеи европейского декаданса вполне отвечали неестественности всей русской жизни и вытекающему из этой неестественности сознанию, что «дальше так продолжаться не может».

На Западе декаданс — итог по крайней мере

500-летнего культурного развития. Итог естественный и закономерный. Наш декаданс — итог 50-летнего развития... Увы, итог тоже естественный и закономерный. За насильственно прерванное и искаженное могучей рукой национальное развитие пришлось расплачиваться ранним старением и преждевременной смертью. За столетний блеск русско-европейской культуры петербургского периода — культурная смерть в темную ноябрьскую ночь... Не слишком ли дорогая цена? Ведь Россия — это не страна, не государство. Россия — это часть света, это культурно-историческое целое, как Европа или Азия... Почему же смерть? Не потому ли, что все мы оказались недостойными нашего исторического призвания? Высший слой общества оказался недостойным своего призвания, потому что отказался от родной почвы, стал «иностранцем в своей стране».

В блеске русской европейской культуры почти с самого начала был замечен болезненный чахоточный румянец... Культуру эту создали рабовладельцы... А их рабами был весь русский народ. Сознание несправедливости и невозможности такой жизни все больше и больше охватывало русское культурное общество, но привело его только к неврастении, упадочничеству и к предчувствию неминуемой катастрофы...

Русский простой народ также оказался недостойным своей Великой Родины, предав ее на фронте в семнадцатом году, надругавшись над ней и отказавшись от нее в годы гражданской войны.

Идеи западного декаданса были восприняты и развиты наследниками, продолжателями русской классической литературы. Это была столбовая дорога русской литературы. Даже отрицающие и протестующие против декадентства писатели не избежали его влияния (Бунин); как классическая, так и сменившая ее модернистская (включая сюда и декадентов) литературы были умом и совестью России, философией русского духа.

Другим путем пошла обособившаяся от классики сословная интеллигентская литература. Начав с бунта против Пушкина и эстетики (содержание выше формы), она пришла от Писарева, Чернышевского и Добролюбова, через Горького и Маяковского, к советскому маразму. В лице своих лучших представителей русская литература периода советского маразма, пройдя через модернистские поиски, возвратилась к заветам классики. Это особенно ярко выражено на примере Б. Пастернака и его замечательного романа.

6

Русская молодежь второй половины XIX и начала XX вв. почти сплошь революционна. Один студент спрашивает другого: кто он, эсер или эсдек? Этот вопрос такой же естественный, как спросить, на каком курсе вы занимаетесь?

Молодые люди, настроенные антиреволюционно или, по крайней мере, аполитично, встречаются редко.

Русское революционное движение было движением молодых; если среди руководителей встречались немолодые люди, то революционные массы, ударные силы революции состояли в подавляющем большинстве из молодых людей.

Революционные идеи стали модой, общепринятым «хорошим тоном». Средние интеллигенты просто боялись прослыть недостаточно «прогрессивными» и «передовыми» и, не дай Бог, «реакционными».

Но когда антиправительственные идеи становятся «модными», то это неизбежно означает, что социально-политический строй полностью исчерпал себя и обречен.

Социально-политический строй Петербургской России полностью исчерпал все свои живые соки и был обречен на смерть.

Молодежь — будущее страны — была наследственно враждебна ему. Социальная база этой враждебной молодежи непрерывно расширялась. В начале и еще в середине XIX века эта молодежь была почти сплошь дворянской. С 60-ых годов она стала разночинной, интеллигентской. К концу века значительное меньшинство этой молодежи состояло из рабочих и рабочей интеллигенции. В начале XX века среди этой молодежи все чаще стали встречаться крестьянские парни...

Слова «революционный», «революционер» в приложении к противникам русского исторического строя стали общепринятыми (вернее, всегда были таковыми) и само собой разумеющимися,

не вызывающими никаких споров. «Там реакционеры, здесь революционеры». Ясно. Просто.

Однако попытаемся разобраться, насколько русские «революционеры» были действительно носителями «революционной» идеи.

Революция — не только разрушение, не только уничтожение старого, отжившего, революция — это и творчество, создание нового, идущего неизбежно на смену старому. Разрушение во имя разрушения — не революция, а бунт. Смена владык и названий при сохранении старой сущности — тоже не революция. Такая смена, даже при расширении социальной базы, не изменяет духа, не меняет сущности человеческих отношений. Таким образом, христианство, например, изменившее отношения между людьми, изменившее сущность жизни, было революционной идеей, а установление империи в Риме ни в коем случае революцией не являлось; хотя оно и расширило социальную базу нового порядка, но не изменило сущности жизни, не изменило духа людей.

Политическая революция только тогда является творческим, созидательным актом, когда она национальна, т. е. ее идеи определяются историческим прошлым народа, отвечают его духовному складу и национальному характеру, его быту, его духовно-моральным ценностям, государственным задачам внешней политики. Иными словами, революция — это дальнейшее органическое развитие народа и государства, с уничтожением всего того, что мешает этому развитию. Поэтому цели и задачи, стоящие перед революцией, всегда должны

соответствовать историческим целям и задачам и определяться политической необходимостью момента. Поэтому революция присуща только определенным этапам исторического развития. Поэтому революция никогда не может быть предметом экспорта.

Революция устраняет всё, что мешает развитию национального духа, национальной идеи. Новые духовные ценности, создаваемые революцией, вытекают из старых, исторически присущих народу духовных ценностей. Революция не отрицает народно-государственный идеал, а, напротив, утверждает его. Победа революции есть утверждение государственной мощи. Развив «свое» и утвердив его, революция делает это «свое» достоянием «всех». Идея становится всемирной через свое национальное развитие.

7

Таковы были Английская и Французская революции.

Английская революция — глубоко национальная по своему духу и задачам и всемирная по своим идейным результатам.

В национальном плане революция явилась завершением борьбы англосаксов с норманнами, окончательным слиянием двух этнических групп. Антинациональные «континентальные» попытки двора усилить королевскую власть в противовес сложившимся национальным традициям «хартии вольностей» были сломлены революцией. Хотя

«Великая хартия вольностей» не была англосаксонским государственным учреждением, тем не менее, к XVII веку она стала составной частью английского быта и самосознания. Попытки усиления королевской власти имели французский образец, опирались на континентальные идеи и традиции.

Глубоко национальной была и идея религиозной реформы, столь присущая германскому духу. Здесь следует заметить, что английские «норманны» XVII века были наследниками не исконного норманнско-скандинавского духа, а своих офранцузенных предков. Таким образом, борьба шла между остатками французского культурного влияния (норманны) и местными германскими духовными традициями (англосаксы).

Идеи религиозной независимости и политических прав были главными идеями Английской революции. Идеи Английской революции легли в основу идей Американской революции. Именно в Америке они получили свою республиканскую пуританскую форму.

Парламентская форма демократии, религиозная свобода и права личности — вот духовные ценности, которые Английская революция, утвердив у себя, внесла в общую сокровищницу человеческого духа.

Английские идеи оказали серьезное влияние на идеологов Французской революции — т. н. «просветителей». Однако «практики» Французской революции руководились не английскими, а французскими (во всяком случае, переработанными

на французский лад) идеями, составляющими духовную сущность французского народа.

В национальном плане революция была завершением борьбы между галльским почвенным началом (буржуазия) и франкским верхним слоем (дворянство, рыцарство, аристократия).

В философско-политическом отношении сущность идей Французской революции состояла в эгалитаризме, атеизме, цезаризме, политической демократии.

Французская революция была менее национальной и более социальной, чем Английская, потому она и менее «удалась».

Всякая революция проходит три этапа своего развития.

I этап: отрицание; период революционной борьбы, смены возникающей в процессе революции формы власти.

В свою очередь он подразделяется на три периода.

1-й период: борьба за свержение старого порядка и установление революционной власти. 2-й период: борьба внутри победившей революционной партии, борьба за «формулу революции». 3-й период: «формула» создана, революция несет ее на своих штыках в мир, революция принимает военный агрессивный характер, возникает военная диктатура.

II этап: отрицание отрицания; революция исчерпала свои живые созидательные силы; общее разочарование; наступает реставрация.

III этап: творческий синтез; новая революция

сметает реставрацию, успевшую слишком далеко зайти в своем реакционном движении; порядок, созданный в результате нового политического переворота, является синтезом старого и нового, идей революции и идей исторического правопорядка.

В Английской революции I этап — это собственно революция, время с 1640 по 1660 год. При чем 1-й период падает на 1640 (созыв «Долгого парламента», казнь Страффорда, дальнейшее ограничение королевской власти, гражданская война) и кончается приблизительно 1647 годом, т. е. окончанием гражданской войны и потерей королем реальной власти. Первая задача революции выполнена. Старая власть свергнута.

2-й период: борьба между пресвитерианами и индепендентами; преследование католиков и левеллеров; республика, протекторат, разгон остатков «Долгого парламента».

Формула революции найдена. Это — пуританство, национальная внешняя политика, господство Англии на морях. Для мира — лозунги свободы вероисповедания и свобода торговли. Управление государством в национально-религиозном смысле. Приблизительно с 1647 по 1653 гг.

3-й период: революция принимает военно-агрессивный характер. Устанавливается военная диктатура — протекторат. Внешние войны. Сломлен главный конкурент Англии на морях — Голландия. Закончена историческая задача объединения трех островных государств. Навигационный акт, утвердивший господство английской

морской торговли, т. е. основы политической и экономической мощи Англии. Утверждение английских национальных, экономических и религиозных интересов. Твердая национальная внешняя политика. 1653-1660 гг.

II этап: народ устал от тяжести военной диктатуры, однообразия строгой пуританской жизни, господства армии. Историческая задача революции выполнена. Дальнейшее существование революционной диктатуры — тягостный анахронизм. Диктатура вырождается в анархию. Переворот Монка. Народ с восторгом встречает Карла (Реставрация, 1660-1688). Правительство реставрации — компромисс между революцией и старым порядком. Компромисс временный, только намечающийся.

III этап: реставрационный; заходит слишком далеко; на престол вступает король-католик. Угроза протестанству. Реставрация переходит в реакцию. Свержение правительства реставрации, «Славная Революция». Новая династия. Конец революционной эпохи. Великий исторический синтез. Создание нового послереволюционного порядка. Создание Новой Англии. Короли милостью парламента. Парламентский строй. Развитие парламентской демократии и веротерпимости. Парламентская форма демократии, религиозная свобода, права личности обеспечены, развиваются; отныне это — английский национальный путь развития, духовно-политическая идея английского народа. Революция закончена. Наступило время эволюции.

Революционная эпоха, приведшая в Англии к победе и окончательному установлению национальной государственности нового времени, продолжалась сорок восемь лет...

Французская революция не носила, в противоположность Английской, целиком национальный характер. Даже на самую ее идеологию оказали большое влияние чужие, английские образцы, в то время как английские идеологи черпали исключительно из национального источника. Кроме того, национальный характер Французской революции отяготили значительно более ярко видимые социальные мотивы. Объясняется это в первую очередь тем, что Франция, в противоположность Англии, была страна более отсталая в политическом (абсолютизм исторически перерос себя, Генеральные штаты не созывались с 1614 года), экономическом (упадок буржуазии после религиозных войн), социальном (резкая разница в правах сословий, гнетущая бедность народа и обеспеченная жизнь дворянства) и даже культурном отношениях (искусственность французской «парниковой» культуры, ненародность ее, вырождение в творчестве «просветителей» с их осмеиванием святынь и с их утопическими, оторванными от живой жизни «бумажными» теориями).

I этап Французской революции: с 1789 до 1815 года.

1-й период: с созыва Генеральных штатов в 1789 году до лишения короля власти в 1792. Первая задача революции выполнена. Старый по-

рядок перестал существовать. Перед Францией открылись новые исторические перспективы. Провозглашены знаменитые принципы революции: свобода, равенство и братство. Два первых составляют сущность Французской революции. Третий носит декларативный характер. На этих двух принципах основана французская политическая демократия, в отличие от парламентской английской, основанной не на идее равенства всех, а на идее прав отдельной личности.

2-й период: ожесточенная борьба среди победителей. Революция принимает всё более радикальный характер. Три лозунга революции входят в ее «формулу». Попытка внести в эту «формулу» атеизм (деизм Робеспьера с его «культом верховного существа» — в сущности, только «введение» в атеизм). Попытка не удастся. Революция несет идеи на штыках в Европу. Она расширяется территориально. 1793-1799-1800 гг.

3-й период: военная диктатура. Консульство и, как завершение идеи цезаризма, — империя. Империя — это составная часть французского национального духа, получившего свое развитие в революции. Это — цезаризм, присущий французской нации.

Борьба с религией временно приостановлена. Она не вошла пока в «формулу». Закончен конкордат. Создана французская национальная форма государственности (департаменты — 1789 год), Наполеоновский кодекс придал содержание государственной форме.

Окончена гражданская война. Проводится по-

литика национального примирения и единства. Только в этой обстановке департаменты, созданные еще в 1789 году, правильно функционируют. Французская национально-государственная идея преобладает над революционными принципами, которые всегда были только ее прикрытием. Революция вступает в открыто империалистическую стадию.

II этап. Реставрация. 1815-1848 гг. Революция еще не исчерпала свои силы. Она сломлена военной борьбой, а не духовно. Хотя налицо усталость и разочарование, они еще не настолько всеобщие, чтобы большинство народа желало реставрации. Благодаря тому, что социальные противоречия во Франции XVIII-XIX вв. были более обострены, чем в Англии XVII в., борьба носит более затяжной и непримиримый характер. Революция происходит в период промышленного переворота, поэтому в борьбу непрерывно вступают все новые и новые слои народа, которые выдвигают свои классовые требования. Реставрация в 1815 г. преждевременна, к тому же она принесена на иностранных штыках. Реставрация, как и в Англии, — попытка компромисса между старой, королевской Францией и новой, революционной. Так же, как и в Англии, реставрация переходит в реакцию (компромисс не удался, он слишком искусствен, не «историчен», не «органичен»). Однако попытка «Славной революции» во Франции не удастся. Июльская монархия — не синтез, а продолжение реставрации, только более демократизированной.

3-й этап. Синтез. Так как революция не удалась и не выполнила своих исторических задач, следует ее повторение (т. е. продолжение с теми же периодами). 1848 год, февраль, — свержение старого порядка, т. е. королевской власти, внутренняя борьба (июньские дни), военная диктатура — цезаризм (1852 г. — Наполеон III). 3-й этап, этап синтеза, растянулся на двадцать три года и включил в себя повторение революции со всеми тремя периодами. Только провозглашение Третьей республики в 1871 г. ознаменовало собою для Франции прекращение революционной эпохи и создание нового послереволюционного порядка. С 1871 г. для Франции кончилась революция и наступила эволюция. Республика выполнила и богоборческую задачу революции, она стала вполне атеистичной, «свободомыслящей». «Формула» революции — эгалитаризм, политическая демократия, свободомыслие получили свое окончательное завершение. Это то, что Новая Франция дала миру. Таким образом, для окончательной победы идей революции и для окончания революционной эпохи во Франции потребовалось 82 года.

Идея цезаризма, столь присущая французскому национальному духу, идея, к которой французы так настойчиво возвращались в революционную эпоху, была дискредитирована Седаном и подавлена демократией. Однако идеи, внутренне присущие нации, не могут исчезнуть. Идея эта, сильно смягченная демократией и общим упадком французского народа, получила свое воплощение в наше время, в деголлевской конституции, с ее систе-

мой плебисцита и сильной президентской властью. Поэтому свою законченную государственно-политическую систему (такую законченную, как в Англии, например) Франция получила только во второй половине XX века. Увы, слишком поздно...

8

Русская революционная идея не была национальной ни по своему происхождению, ни по своим задачам, начерченным в программах революционных и социалистических партий.

Социализм, парламентаризм, политическая демократия арифметического большинства были глубоко чужды и не нужны русскому самосознанию. Они были чужды ему не только по иностранным названиям (значит, таких понятий и нет в русской жизни), но и по самой сути. Русская община — не социалистическая ячейка (её экономическая сторона основана на морально-духовном понятии «мира», специфически присущем славянской душе, тогда как, наоборот, у социалистов «бытие определяет сознание»). Земский собор — не парламент (земский собор — это идея общности Земли, государства, идея единения царя и народа, лучшие люди земли собираются для помощи царю, а не для контроля над ним, на Западе же как раз наоборот, парламент — собрание не доверяющих друг другу сословий, собранных для контроля над властью, которой они сообща не доверяют), русское представительство — не поли-

тическая демократия большинства (на собор выбирались и «кооптировались» «лучшие люди» земли, т. е. люди, могущие там быть по своим заслугам, по должности, по положению, по царскому доверию; политиканство и механические выборы «по большинству и от всех» были чужды русскому сознанию). Русское государственное сознание, так же как и русские экономические и социальные учреждения, так же как и весь моральный и духовный склад русского человека, определяются особенностями русско-славянской души и русской историей. Волею судеб Россия была отделена от Западной Европы и шла своими, не похожими на другие, путями... Русский удельный князь — не западноевропейский феодал, царь — не король-сюзерен, и наш купец и посадский — не буржуа и не бюргер... У Западной Европы общая и тесно связанная и переплетающаяся история, свои выработанные этой историей духовные ценности: феодализм, католицизм, протестантизм, парламентаризм, политическая демократия, разделение властей, социализм... У нас — свои пути, своя историческая судьба и свои духовные ценности... В культурно-историческом смысле мы — не Европа и не Азия; мы — часть света...

Русская революционная мысль была очень далека от этих аксиом. Если марксисты прямо объявляли себя учениками и последователями Маркса и механически переносили на русскую почву все его социологические и экономические схемы, то народники, беря в основу русскую жизнь, объясняли ее при помощи западных эконо-

номистов, социологов и мыслителей. Русская революционная идея не была русской. Это был перевод с немецких и французских изданий, и перевод плохой, порой просто неграмотный.

Во всех русских революционных программах поражает, прежде всего, отсутствие национально-государственного не то что мышления, а просто чувства. Легкость, с которой русским окраинам и областям давалась «независимость» (а области эти и окраины не только обильно политы русской кровью, но *теснейшим* образом связаны с Россией, связаны экономически, географически, культурно, духовно; наконец «национальные чаяния» населения этих областей зачастую просто *придуманы* кучкой местных интеллигентов, стремившихся к политической власти), просто поразительна... Впрочем, если учесть, что больше половины «русских» революционных вождей были не русские по своему происхождению и крови, то легкость, с которой они предоставляли всем желающим пресловутое «право на самоопределение, вплоть до отделения», станет более понятной... Легко торговать чужим наследством, когда не приобретал его и когда умерший не только «эксплуататор», но и представитель ненавистной «угнетающей» национальности.

Нелепость практических предложений, содержащихся в революционно-социалистических программах, прямо поразительна для «свежего человека», не вращающегося в кругу идей революционно-социалистической интеллигенции. Чего, например, стоит пункт о всеобщем вооружении

народа, отмена постоянной армии и выборность командиров. И это не в XVIII, а в техническом, машинном XX веке! Самое нелепое и бессмысленное в этом было то, что «товарищи» выдвинули это требование не в демагогических только целях, но и пытались его осуществить на практике, как только дорвались до пирога (власти). И это относится не только к большевикам, но и к февральской «революционной демократии», развалившей русскую армию и превратившей солдат в митингующую толпу «сознательных граждан». Другое общее для «товарищей» требование знаменитой тогда «четыреххвостки» (т. е. проведение в неграмотной, политически невежественной России «всеобщих, тайных, прямых и равных» выборов в «российский парламент») носило уже менее «невинный» характер. «Товарищи» (по крайней мере, многие из них) хорошо знали, что такое демагогия, что такое невежественная масса и что такое власть...

Однако, несмотря на ничтожество вождей, несмотря на нелепость и вздорность программ, несмотря на глупость и злобную подлость «товарищей», революция в России победила.

Победила она не потому, что вожди были гениальны и «предусмотрели все» (как раз наоборот!), не потому, что гениальные теоретики создали гениальные теории (как раз наоборот!), и не потому, наконец, что народ пошел за вождями (как раз наоборот, вожди были вынуждены пойти за массами и показали свое полное бессилие и незнание жизни в период русской «демократичес-

кой республики» февраля-октября 1917 года, развязав самые низменные инстинкты масс и идя на поводу их, как это было с большевистскими главарями в гражданскую войну; вынуждены уступать народу, как это было с ними в период нэпа, и вынуждены, вопреки своему интернационализму, выполнять национальные задачи России, как это было с ними позже). Революция победила потому, что не могла в сложившихся условиях не победить. Победила потому, что пришло ее время; победила потому, что противостоящие ей силы заранее признали свое поражение; победила потому, что она, вопреки своим главарям, также носила в основе своей национальный характер, хотя и в значительно меньшей степени, чем Французская революция, — национальный ее характер всячески задерживался, искажался и подавлялся антинациональным и инородным «руководящим ядром».

9

Если Франция XVIII в. была по сравнению с Англией более отсталой в политическом, экономическом и культурном отношениях, если внутренние противоречия во Франции XVIII в. были более обострены и сложны, чем в Англии XVII в., то Россия XX в. как в политическом, культурном и национальном отношении (понимая под этим единство народа и культурных классов, существование общего культурно-исторического идеала для всей нации, наличие общих, понятных для всего народа государственных задач), так и в от-

ношении запутанности, обостренности и сложности внутренних противоречий была гораздо более отсталой, чем Франция XVIII века. И в экономическом смысле, понимая под этим термином все материальные достижения машинной цивилизации, мы сильно уступали западноевропейским странам. Что же касается достижений духовной культуры (литературы, искусства, философии, религии и т. д.), то мы не только не уступали, но часто и превосходили Европу.

Франция XVIII века — была одной из западноевропейских стран, Россия в XIX веке — это целый мир. В этом «русском мире» жили многочисленные народы, резко отличные друг от друга в культурном, религиозном, этническом и экономическом отношениях. Народы эти зачастую смертельно ненавидели друг друга; объединяла и сдерживала их взаимную ненависть только власть русского царя. Армяне и азербайджанцы, немцы и латыши с эстонцами, поляки и украинцы — вот главные очаги национальных противоречий. Кроме этого, в Финляндии, на Украине, в Средней Азии развивалось национальное движение, где интеллигенция (а в Средней Азии и Финляндии — и народ) мечтала о независимости и всячески разжигала в народе ненависть к русским. Сильное антирусское движение существовало в Польше. Но особенно важное значение в России имел еврейский вопрос. Этот маленький, необычайно активный и национально сплоченный народ играл в нашей истории совершенно особую, необычную роль. Сильно развитое чувство национальной об-

щности, активность и экономическое влияние еврейства находились в резком противоречии с национальной приниженностью, политическим и гражданским бесправием, с недоверчивым и презрительным отношением к евреям определенной части российского населения. Иная вера евреев еще более усиливала национальный антагонизм. Все это сделало их непримиримыми борцами против «царизма» — русской исторической государственности. Они выступали единым фронтом и в первых рядах революционного и оппозиционного движения. Еврейство сыграло роль «дрожжей» революции, из его среды вышли самые активные ее борцы, ее штаб.

10

В силу масштабов российского мира, необычайной сложности и обостренности разъедающих его национальных и социальных противоречий исторический процесс происходил у нас гораздо медленнее и труднее, чем на Западе.

Февраль 1917 был лишь вторым актом великой русской трагедии, продолжением революции 1905 года, завершением конституционного развития России.

Пришедшая в результате Февральского переворота к власти интеллигенция оказалась политически несостоятельной. Если историческая Россия просуществовала тысячу лет, династия Романовых царствовала триста, а петербургский императорский период длился около двухсот, то русская интеллигенция смогла удержать власть всего де-

вать месяцев, которые были временем беспрерывных политических ошибок и государственного бессилия.

Такова цена, которую заплатила интеллигенция за свою оторванность от народной почвы, теоретическую отвлеченность.

Русские интеллигенты в массе своей всегда гордились тем, что были больше «всечеловеками», чем русскими (да они и в самом деле были), и вместо русских зипунов хотели видеть (а раз хотели, то и видели) на русских мужиках фригийские колпаки французских санкюлотов да пиджаки немецких рабочих...

Октябрьский переворот был логическим завершением переворота Февральского, разложившего армию приказом № 1, узаконившего в стране анархию (признание советов как органов власти наряду с правительством), всколыхнувшего огромный русский мир и обострившего все его внутренние противоречия перед лицом мощного внешнего врага.

Интеллигенция устами своих публицистов, писателей, журналистов и политических деятелей — от декабристов до Милюкова и Керенского — десятилетиями укоряла и обличала «старый режим» в политической отсталости, несостоятельности, реакционности и других смертных грехах. Десятилетиями говорила она носителям русской исторической государственности: уходите, вы не умеете управлять государством, только мы сможем управлять им, превратить его из отсталого в современное, только мы знаем, что нужно народу.

Но этого «умения» и «знания», как сказано выше, хватило лишь на девять месяцев, полных чудовищных политических нелепиц, неумения и бессилия, вытекавших из незнания земли и народа...

11

Несмотря на то, что руководители Октябрьского переворота были интернационалистами по своей идеологии и зачастую нерусскими по происхождению, несмотря на то, что они смотрели на Россию и свои действия как на эксперимент для своих общесоциалистических планов, Октябрь (одной своей стороной) принял, по присущим ему внутренним законам, национальный характер. Октябрьский переворот был бунтом против «бар», «Петербурга», против европеизированного дворянства и интеллигенции. И объективно вожди его, вопреки своим программам и личным стремлениям, завершили дело раскольников, Пугачева, противников Петровских преобразований. Октябрьский переворот был реакцией на европеизацию России, реваншем Московской Руси. Не случайно поэтому столица была снова перенесена в Москву, а красноармейцы получили форму стрелцов и шлемы старорусских витязей¹.

¹ Первые партии этих шлемов были изготовлены еще командованием российской армии. Как известно, Красная армия целиком экипировалась за счет имущества старой армии, переменив только одни эмблемы. — Р е д.

Получился странный и страшный парадокс: лучшая часть интеллигенции и русского народа, сражаясь в рядах Белой армии, отдавала в своем представлении жизнь за Россию — «единую и неделимую». Объективно же она сражалась за Россию Петровскую, Петербургскую, Россию высшего европейского слоя.

Другая часть русского народа, руководимая политическими авантюристами, сражалась в Красной армии против «белых» в своем представлении во имя «интернационала», но объективно боролась против «дела Петра», высшего слоя европеизированных русских, против засилия иностранцев, — за «Московскую Русь».

«Красные» состояли из двух идеологически противоречивых сил; определим их условно «большевиками» и «коммунистами».

«Большевики» представляли, собственно, старомосковскую, «национальную», «русскую» партию. «Большевиками», с этой точки зрения, больше, чем ленинцы, были левые эсеры, носители этого стихийного (условно!) начала. «Большевиками» отчасти были Блок, Брюсов, Есенин, Клюев, Клычков.

«Большевики» — это крестьяне, ненавидевшие помещика, «барина», интеллигента вообще, как «русские», ненавидевшие в «барах» — «чужих», «нерусских».

«Большевизм» — это крестьянская стихия, новая разинщина, новая пугачёвщина. Это — любовь к «Москве» и ненависть к «Петербургу». Из идеологии «большевизма» выросла и развилась совре-

менная система как воскресшая и доведенная до крайности «тоталитарная» старомосковская государственность, старомосковский приказной строй.

Из этой идеи возник колхоз как воплощение доведенной до абсурда идеи русской общины в сочетании с крепостничеством. Вряд ли в какой-либо другой европейской стране могла возникнуть и воплотиться такая идея. У нас же колхоз стал реальностью, потому что опирался на две старорусские традиции.

«Коммунисты» — это интернационалисты. Люди, верящие в перманентную революцию. Это троцкисты, зиновьевцы, отчасти даже правые, — все те, кто в ходе революции был отброшен и уничтожен. При такой классификации Сталин скорее был «большевиком», чем «коммунистом». Он снова закрыл «окно в Европу», усмотрев в Западе старого непримиримого врага.

Но «идея» Сталина не была чисто «большевистской»: в двадцатых годах, в какой-то мере, это был синтез с «коммунизмом». Только потом «большевистская» идея, хотя и в своей, «сталинской», интерпретации, возобладала над «коммунистической».

В ходе революции были уничтожены и «чистые, стихийные большевики» (политики, поэты и идеологи крестьянской Руси, «левые эсеры» и др.) и «чистые коммунисты» — интернационалисты, троцкисты и др.

Революция шла противоречивым, извилистым, трудным путем.

Революция создала новую интеллигенцию, новое чиновничество. Это были выходцы из низов — из крестьянской, рабочей, мещанской среды. Среди этих людей почти не было тех, чьи отцы до революции принадлежали к среднему интеллигентному слою, поэтому никакой преемственной связи с русским «высшим слоем» и с русской интеллигенцией у них не было.

В этом была сила, но и слабость новых людей.

Сила — в том, что они не были оторваны от своего народа и были свободны от идеализации его, свойственной (несмотря даже на материалистическое мировоззрение) старой русской интеллигенции и высшему культурному слою России.

Слабость же — в том, что эти люди оказались «освобожденными» от наследственной культуры и нравственности своих предшественников.

Многие из них, особенно в Гражданскую войну и двадцатые годы, искренне верили в «новый завет» жизни, в новую «коммунистическую» мораль и новые «коммунистические» отношения между людьми. Казалось, всё это близко к осуществлению: старая государственность и связанные с нею собственнические отношения между людьми уничтожены, а, согласно марксистскому «священному писанию», с изменением экономических отношений должны измениться и духовные отношения. Достаточно только уничтожить основу всех зол — частную собственность и классовое разделение общества, как наступит на земле

рай. Ведь всё несчастье только от экономического неравенства...

И если частная собственность в двадцатых годах не была еще уничтожена полностью, то находилась она уже под полным государственным контролем. В теории установилось рабоче-крестьянское государство, которое должно было выражать классовые интересы именно этих ранее столь угнетавшихся классов, однако рай, тем не менее, не наступал. Наоборот: власть в стране полностью и бесконтрольно оказалась не в руках «пролетариата» и «крестьянства», а у единственной в России политической партии, члены которой положили основу возникновению нового привилегированного класса. В самой партии важные посты заняли «аппаратчики» — привилегированная элита, не считавшаяся с мнением рядовых членов партии.

Хотя большинство «советской» молодежи верило в руководство, в политически мыслящей и нравственно чуткой ее части стало возникать недовольство результатами Октябрьской «революции».

«Революция» оборачивалась не «новым заветом» жизни, а возвращением к старомосковским формам государственности. «Революция» оказывалась на деле не революцией, а *реакцией* — в историческом и философском понимании этого слова. Причем реакция эта стала приобретать со временем совершенно особый, «сталинский» характер. Из арсенала старомосковских приказных форм государственности получили развитие са-

мые отрицательные ее стороны: бесчеловечность, презрение к личности, безудержный культ «вождя» (самодержавного властителя), слепая вера в непогрешимость начальства, идейная нетерпимость, ненависть к инакомыслящим, к «немцам» (то есть к иностранцам), религиозное отношение к марксизму-ленинизму, догматичность мышления, отрыв от Европы, мелочная регламентация жизни, чинопочитание и прочее.

Понятие «служащий» постепенно исчезало, заменяясь понятием раба государства: чиновника и рабочего прикрепили к учреждению и заводу (за самовольный уход с работы — суд); этот указ², распространивший крепостное право на город, стал вершиной крепостнической политики. (Отмененный одно время новым указом от 25. 4. 1956 г., он через пять лет воскрес в другой форме: специального указа о «тунеядцах», изданного уже в хрущевскую эпоху и закрепившего это положение юридически.³)

Что же касалось крестьян, то, как известно, колхозники теперь были обязаны работать на го-

² См. указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1940 г., № 20). — Р е д.

³ См. указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» (наказание от 2 до 5 лет ссылки с конфискацией имущества). См. «Известия» от 6 мая 1961 г. — Р е д.

сударство и еще крепче, чем служащие и рабочие, были прикреплены к колхозу: до сих пор у колхозников нет паспортов и они лишены права уходить из колхоза; это право получают лишь молодые колхозники, отслужившие в армии и не возвращающиеся в колхоз, а уезжающие непосредственно из нее в избранные ими самими места, да неработоспособные старики.

13

Советская Россия, созданная в октябре 1917 года в результате развития и углубления революции, была «третьей», переходной Россией, потому что, с одной стороны, она уже не имела прямой духовной связи с Россией Петербургского периода, а с другой — не смогла создать своей собственной культурной традиции. Связь между нею и Петербургской была такой же, как между Петербургской и Московской.

Так же, как и Петербургская, Советская Россия создала в духовно-культурном плане новую породу людей, и люди эти уже ничего общего не имели ни с высшим европеизированным культурным слоем Петербургской России, ни с западными народами. К тому же пропасть эта сознательно увеличивалась и расширялась правительством и партией СССР.

С одной стороны, Советская Россия восприняла заветы Московской Руси и поэтому люди ее в области духа и исторической преемственности

гораздо больше общего имели со Старомосковской Русью, чем с Петербургской, поскольку, как говорилось выше, Октябрь был не революцией, а реакцией (как попытка Пугачева), пытавшейся вернуть Россию назад, к допетровским порядкам.

С другой стороны, Советская Россия отталкивалась и от Московской Руси, пытаясь в какой-то мере «исправить» неудачу Петровских реформ, и поэтому оказалась не только продолжательницей Московской Руси, но и чем-то совсем новым, именно «третьей» Россией, создавшей собственный быт, мировоззрение, мировосприятие, мораль и т. д.

Не удивительно, что революция носила крайне сложный и противоречивый характер. Она не была ни чисто «большевистской» (то есть национальной), ни чисто «коммунистической» (то есть интернационально-перманентной, по Троцкому и Парвусу). И сами люди, руками которых история совершала революцию, меньше всего понимали ее истинный смысл. Большинство из них было убеждено, что занято делом интернационала, мировой революции, что создает из России образец для грядущих — в самом недалеком будущем — западноевропейских обществ.

На облик «третьей» России наложил большой индивидуальный отпечаток Сталин тридцатых — самых тяжелых и решающих — годов, стоявший во главе ее. «Третья» Россия стала, говоря условно, Русью Ивана Грозного, на сей раз обладающей современной техникой и атомной бомбой. Недаром Сталин всегда чувствовал влечение

к этому монарху, род некой духовной близости и исторической преемственности.

Сталин развивал и углублял присущее русским религиозное чувство, подменяя православие так называемым марксизмом-ленинизмом. Вся жизнь, нормы поведения, мышления и морали должны были подчиняться ему.

«Царь», как и «на Москве», вновь стал священным лицом, живым олицетворением государства. И на этот раз фигура «царя» соединялась с фигурой «патриарха», то есть высшего интерпретатора марксистско-ленинского «учения». Идея Московской Руси получила дальнейшее углубленное развитие и завершение.

14

Создание Советской России вызвало разочарование и сопротивление (пассивное и активное) и у «большевиков», и у «коммунистов». Ведь создание «Руси советской»⁴ было не только мучительно тяжелым, но и сопровождалось отходом от идей и идеалов как «большевистских», так и «коммунистических».

...Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком...

.

⁴ «Русь советская» — термин, заимствованный автором статьи у Сергея Есенина. См. сборник его стихов «Русь советская», 1925 г. — Р е д.

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат...

.
За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли...⁵

Так писал о результатах Октября крестьянский поэт-«большевик» Клюев...

Такое же разочарование вызвал он и у таких писателей и поэтов, как Клычков и Есенин, приветствовавших в свое время «Октябрьскую грозу» (определение Клюева) как выражение всенародного гнева, исторической мести «мужиков» — «барам». Отчасти связана с этим разочарованием и трагическая судьба Маяковского.

У «коммунистов» разочарование проявило себя в политическом аспекте — в организации троцкистской оппозиции.

Но самым ярким и открытым проявлением этого разочарования в среде революционной массы, то есть той части народа, которая не только поддерживала Октябрьский переворот, но и активно участвовала в нем и в Гражданской войне, было Кронштадтское восстание⁶.

⁵ Николай Клюев. Сочинения. Под общей редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, стр. 241. Neimanis. Buchbetrieb und Verlag. 1969. — Р е д.

⁶ См. «Кронштадтское восстание в документах» в «Граних» № 2 1965 г. — Р е д.

Напрасно советские фальсификаторы истории пытаются изобразить его «кулацким бунтом», мятежом, спровоцированным эсерами, меньшевиками и белогвардейцами, а самих участников восстания представить состоявшими сплошь из деревенских парней, только что призванных на флот, политически неустойчивых и отражающих-де настроения кулачества. Факты решительно опровергают эту ложь. Достаточно сказать, что в Кронштадтском восстании активно участвовало 30% всей партийной организации РКП(б), 40% объявили себя нейтральными и только 30% выступило против восстания.

Руководители восстания и члены ревкома принадлежали к числу старых кадровых моряков: в архивах сохранились списки тысяч расстрелянных при подавлении Кронштадтского восстания матросов, бóльшая часть которых относилась к призыву 1914 и более ранних годов.

Кронштадтские газеты того времени сплошь заполнены открытыми заявлениями о выходе из партии. Кем же в действительности были эти люди? Кулацкими сынками, только вчера пришедшими на корабли? Нет, сами авторы этих открытых заявлений свидетельствуют о себе именно как об активных участниках Октября и боев Гражданской войны.

Весьма активное участие в восстании принимала, конечно, молодежь, — вновь пришедшее пополнение, но это обстоятельство только показывает, насколько широка была социальная база восставших.

Во многом лозунги и сама форма восстания — стихийного всенародного гнева против правящей верхушки, захватившего в своем порыве и членов самой правящей партии, — напоминает другое всенародное восстание — Будапештское, происшедшее двадцать пять лет спустя в результате такого же глубокого внутреннего кризиса всей созданной коммунистами государственно-экономической системы.

Следует отметить, что Кронштадтское восстание не было в тот период единственным. Вся страна была охвачена крестьянскими восстаниями. В дни Кронштадтского восстания происходили забастовки на заводах и фабриках Петрограда, Москвы, Харькова и других крупных городов; на беспартийных рабочих собраниях коммунистам часто не давали возможности говорить, зато охотно слушали эсеров и меньшевиков.

Бывали случаи, когда воинские части Красной армии целиком переходили на сторону восставших крестьян. Тысячи и тысячи людей уходили в леса — в партизаны, создавая отряды народных борцов⁷.

⁷ В подтверждение положения И. Русланова о переходе отдельных воинских частей Красной армии на сторону восставших крестьян редакция может привести конкретные случаи из рукописи Л. О. Бека «Крестьянское повстанческое движение и военные бунты 1918-1924 гг.», предоставленной нам автором.

Так, например, Л. О. Бек пишет: «Весной 1921 года, кроме мелких повстанческих отрядов в районах Юзовки и Верхнего Дона, образуется крупное повстанческое движение. Во

Самую партию разъедали внутренние противоречия, борьба групп, течений, кланов. Авторитет Ленина стал падать.

В этой обстановке нарастающего внутреннего кризиса партийное руководство, с одной стороны, еще больше усиливало террор, проводя без всякого суда массовые расстрелы повстанцев, с другой — вынужденно шло на уступки народу: так был объявлен, например, нэп.

Летом 1921 года в партии прошла массовая «чистка», целью которой было удаление из ее рядов всех наиболее активных и недовольных властью элементов, главным образом «чистых большевиков», этих потенциальных «кронштадтцев». О размерах ее можно судить по следующим цифрам: из 730 000 общего числа членов партии

главе его становится командир 1-ой бригады 14-ой дивизии Буденновской армии — Маслаков. Будучи красным командованием послан против Махно, Маслаков, во главе своей части, численностью приблизительно в 1 000 человек, переходит на сторону Махно. ...В Константиновском районе и близ хутора Попова отряд Маслакова воюет с частями Красной армии. ...Той же весной 1921 г. на станции Михайловка, выше Усть-Медведицкой станицы (ныне г. Серафимович), взбунтовались части Красной армии во главе с Вакулиным. Будучи разбиты Царицынскими курсантами, восставшие мелкими отрядами направлялись в Тамбовскую губ. и присоединялись к Антоновскому восстанию. По данным Ю. Сречинского, к январю-февралю 1921 г. у Антонова было уже две армии, состоявшие из 21 полка и одной бригады общей численностью в 40-50 тысяч человек. 'Некоторые части Красной армии, — как указывает Ю. Сречинский, — перешли на сторону Антонова, у него даже был отряд из матросов'.

было «вычищено» свыше 200 000, то есть приблизительно третья часть.

И тем не менее, несмотря на то, что большинство народа было настроено против партии и ее диктатуры, возникла «третья» Россия.

Однако эта Россия в своей сущности не была новой и в момент своего возникновения несла в самой себе собственную гибель. «Третья» Россия — это лишь переход, мост к России подлинно новой.

15

Если Петровские преобразования были тезисом, то «старомосковская» реакция, возникшая в результате Февральского и Октябрьского переворотов в 1917 г., оказалась антитезисом, ждущим своего синтеза. Только преодоление беспочвенности Петербургской, «европейской» России и всего наносного времен Московской «византийско-азиатской» Руси сделает возможным синтез: создание новой почвенной России с синтезной русской культурой, которая объединит в себе Московское и Петербургское наследие и обогатится культурами народов-«спутников».

Первенство культуры переходило с запада Европы на восток: сказала свое слово Испания, потом Англия, Франция, сказала Германия. Теперь очередь за славянами. Но, прежде всего, нам следует осознать и выразить самих себя через духовно-культурный синтез. Этот синтез и будет тем новым русским словом российской культуры,

тем «всечеловеческим» словом, о котором мечтал Достоевский, прозревая, что России предназначено «силой братства» «воссоединить» Европу и «изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»⁸

Через российский духовно-культурный синтез — к общеевропейскому духовно-культурному синтезу: вот наш лозунг.

Когда-то Мицкевич назвал поляков пилигримами. Теперь же, потеряв родину физически, в эмиграции, или духовно, под гнетом советской власти, русские тоже стали пилигримами — носителями Русской Идеи и работниками ее.

16

Двадцатые годы — годы образования и становления «третьей», переходной, «антитезисной» России. В этот период формировался правящий класс, «советский» народ без веры в Бога, но с верой в марксизм-ленинизм и в свое особое социалистическое «предназначение», и «советское» общество.

Молодежь этого общества, в массе своей, противопоставляла себя «старикам», «бывшим», то есть представителям дореволюционной России.

⁸ См. Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах. Госиздат Художественной литературы. Москва, 1956-58 гг. Том X, стр. 442. Пушкин. Очерк.

«Советское» общество, с момента его возникновения, как мы говорили выше, несло в себе внутренний разлад и борьбу, так как в основании его лежали две духовно противоположные тенденции: крестьянско-«большевистская» и интернационально-«коммунистическая». Представители обеих тенденций, обе группировки — «большевики» и «коммунисты» — объединялись в одном: в отношении к Петербургской государственности, боялись и ненавидели ее больше, чем советскую.

Но в тюрьмах и лагерях двадцатых годов среди политических заключенных преобладающее большинство составляли русские интеллигенты старой формации, меньшевики, эсеры и так называемые белогвардейцы — то есть люди, оставшиеся верными царской православной России. Представителей «советского» общества было очень мало, главным образом это были «кронштадтцы» (употребляя этот термин условно и в широком значении и обозначая им людей, принадлежащих к группировке крестьянского «чистого большевизма»).

В это первое десятилетие советской России именно «большевики» представляли наибольшую опасность для правящего класса, и против них был направлен главный удар. В начале тридцатых годов советская власть окончательно разделалась с потенциальной базой «большевистского» сопротивления — российским крестьянством: по всей стране была проведена коллективизация — новое закрепощение крестьян колхозной систе-

мой. И в партии было подавлено «большевистское» крыло — «правые».

С точки зрения исторической, это было вполне закономерным явлением. Советская государственность не выражала и не могла выражать интересы «чистых большевиков». Их идеология и идеалы — это идеология и идеалы крестьянской России, это «Боже, Свободу храни — Красного Государя Коммуны» и «Ставьте ж свечи мужицкому Спасу!» (Клюев⁹). «Чистый большевизм» — это, как говорилось выше, новая разинщина, разгул, стихия, бунт во имя бунта, во имя вольницы вечной...

В «положительном» смысле — это отрицание города: городской культуры и машинной цивилизации. Это — возвращение к свободному казацко-крестьянскому кругу, старая русско-казацко-крестьянская мечта... Мечта Разина и Пугачева. Осуществление ее означало бы гибель не только советской государственности, но и российского государства вообще, ибо привело бы к распаду всего русского мира, российского объединения народов. Осуществление такой мечты означало бы конец России...

Со второй половины тридцатых годов началось уничтожение и другой противостоящей советскому правящему классу силы — «чистых коммунистов», иначе говоря, коммунистов-интернационалистов.

Вожди Октября из их числа, ведущие свою

⁹ См. сноску на стр. 72 Том 1, стр. 472 — «Коммуна» и стр. 466 — «Красная песня». — Р е д.

«родословную» от «нигилистов» и «революционных демократов» середины XIX века, вообще отрицали Россию, рассматривая ее лишь как орудие интернационала и «перманентной революции», и мечтали о дальнейшей, еще более глубинной ее европеизации, жаждали сделать ее еще более европейской, чем сама Европа, чтобы, по последним европейским рецептам, сразу перескочить в социализм. И если бы в советском правящем классе возобладало «чисто коммунистическое» начало, то и это, как в случае «чистого большевизма», означало бы конец России...

Сталинское руководство, ради сохранения своей власти, вынуждено было взять на идеологическое вооружение русский патриотизм и поставить своей практической политической задачей создание мощного великодержавного государства.

И советская Россия, созданная Сталиным, стала великодержавным государством, поднявшим свою военную мощь на небывалую высоту и закончившим объединение России в ее исторических и естественных границах. Но всё это было достигнуто страшной ценой — небывалым в истории закрепощением и угнетением народа, неслыханным уродованием человеческих душ.

Итак, повторим: тезис — Петровские преобразования, европеизация России, создание мощного русского государства с выходом к морю, создание русско-европейской Петербургской культуры, высшего общественного слоя, и всё это за счет усиления закрепощения народа, создания оторван-

ного от народа и противостоящего ему слою дворянства и интеллигенции, за счет калечения русской души, оторванной от родной почвы и насильно и сразу брошенной в океан европейской культуры.

Именно европеизация породила знаменитую «загадочность» русской души, столь непонятную иностранцам. У русского Петербургского периода — две родины: Россия и Европа. И разгадка «загадочности» русской души в ее двойственности, в вечном внутреннем противоречии между родным, естественным и приобретенным... И двойственность эта не осталась присущей только верхнему слою, — через него она проникла и в толщу русского народа, хотя и в менее яркой, заметной форме.

Антитезис: события февраля-октября 1917 г. — бунт против насильно навязанной европеизации, рожденный тем, что Россия еще не успела «подготовиться» к восприятию европейской культуры, еще не выработала свои национальные формы культуры. Одновременно — создание нового, еще более мощного, чем Петровская Россия, государства путем еще большего закрепощения и угнетения народа, но государства, — таков исторический парадокс, — обращенного не к Марксу и Европе, а к Ивану Грозному и Москве. Народная стихия, даже под советским владычеством, продолжала оставаться в своих глубинах всё той же вечной, русской, почвенной. Закрепощенный и изуродованный русский народ оказался все-таки сильнее своих вождей...

Грядущий синтез должен, сохранив российскую государственную мощь, создать новые духовно-культурные ценности, новую русскую культуру — русскую и всечеловеческую...

17

В тридцатых годах формирование советского общества было в основном закончено. Главными отличительными чертами его были: безграничный культ «вождя», слепая вера в его абсолютную непогрешимость, в партию, в марксизм-ленинизм, в преимущества советского социального строя, нетерпимость к инакомыслящим, принявшая религиозные формы, и глубокая некультурность всего общества сверху донизу...

И тем не менее, несмотря на религиозный культ Сталина и ленинско-сталинского «учения», несмотря на удивительную политическую слепоту немецкого нацистского руководства и безобразия, творившиеся нацистами на оккупированных территориях России, война 1941-45 годов не была ни всенародной, ни «отечественной» войной, как стараются представить ее советские фальсификаторы. Никогда еще за всю историю России не было случая, чтобы на стороне ее врагов сражалось более миллиона российских граждан. Поистине надо было быть доведенным до последнего отчаяния, чтобы сознательно сделать выбор между врагом внутренним и внешним в пользу врага внешнего...

Подавляющее большинство власовцев сражалось на стороне нацистской Германии не за немцев, а за Россию.

Подавляющее большинство их вместе с Власовым знало, что, в случае победы над сталинскими поработителями Родины, предстоит новая борьба с поработителями-гитлеровцами.

Гитлеровская Германия была для этих истинных русских патриотов только *вынужденным* и временным союзником. Таким же союзником как, например, японцы для борцов Индонезийской национальной армии, которых индонезийский народ после войны величал как своих героев...

С немцами против советской власти, а затем с русским народом против немцев, — вот что думали сотни тысяч русских солдат и офицеров, стремившихся попасть в ряды Русской Освободительной Армии (РОА). Это был скрытый лозунг всего Власовского движения.

Нацизм как идеология был органически чужд русскому самосознанию, поэтому на оккупированных территориях и в рядах Власовского движения нацистская идеология не получала никакого распространения.

Русскому человеку органически чужда идея культа государства как *высшей реальности*. Старое русское государство было в сознании русских людей, прежде всего, православным христианским государством, оплотом высшей идеи и носителем ее. Эта высшая идея была идеей добра и справедливости, то есть моральных ценностей, которые выше ценностей материальных (государства). Да-

же советское государство в глазах его приверженцев тоже по-своему было носителем высшей идеи — интернациональной, коммунистической. Культура государства как такового, основанного на древних национальных традициях императорского Рима, у нас никогда не было.

Так же чуждо русскому человеку и нетерпимое отношение к другим национальностям. Наше государство складывалось и развивалось как государство многонациональное. В его состав всегда входили представители различных культур.

И, наконец, религиозность русского сознания препятствовала успеху нацистской пропаганды. Нацизм — последнее слово антирелигиозного «научного» мировоззрения, доведенного до своего предела. Если нет Христа, нет и нравственности, если нет нравственности, остается одна «наука», а по науке — всё можно; можно из человеческой кожи делать абажуры, если ценность человека не абсолютна, а относительна и определяется его пользой, которую он может принести обществу; люди, представители низших рас, естественно, имеют более низкую ценность или вообще никакой, — такова приблизительно и упрощенно выраженная мысль нацизма. И эта мысль непонятна и чужда русскому человеку.

Мы отнюдь не хотим этим сказать, что сталинская Россия была более гуманна, чем гитлеровская Германия, скорее наоборот. Если зверства

гитлеровцев были направлены против врагов их системы и тех народов, которых они считали «низшими», то зверства сталинцев вообще не имели никакого логического оправдания.

В лагерях, начиная с середины тридцатых годов и до смерти Сталина, в подавляющем большинстве содержались не враги, а жертвы режима; даже более того: до 80⁰/о заключенных советских лагерей не были противниками советской системы.

Жертвы сталинских чисток делились на две категории:

1. Потенциальные враги: «чистые коммунисты-интернационалисты» и «чистые большевики»; работники партийного аппарата и органов государственного террора, состав которых постоянно обновлялся, — те люди, которые слишком много знали и от которых следовало время от времени избавляться.

2. Люди, взятые «по набору»: каждая республика и область имела свою разнарядку, — то есть обязана была «поставить» определенное число людей, необходимых в качестве бесплатной рабочей силы для строек «пятилеток» — в Сибири, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере. Эта категория людей не таила в себе даже потенциальной опасности — просто советской власти нужны были рабы.

Сталинское государство не ограничивалось реставрацией крепостного права, оно пошло дальше: стало *рабовладельческим* государством.

В противоположность немецкому нацистскому государству и его идеологам, открыто признавав-

шим и защищавшим «право сильного» и «право высшей расы», идеологи сталинского государства никогда не признавали его рабовладельческого характера и сущности; напротив, в теории ими проповедовался «гуманизм», «интернационализм», «свобода» и прочие добродетели, на практике же всё население было закрепощено, а двадцать миллионов из общего числа превращено в рабов в полном смысле этого слова.

Может быть, именно благодаря своему насквозь лицемерному характеру сталинское государство и пользовалось активной и пассивной поддержкой большинства народа. Не исключена возможность, что если бы сталинское государство не скрывало так тщательно своей человеконенавистнической сущности, не провозглашало бы на всех перекрестках свои ханжеские «идеалы», оно не в состоянии было бы так долго просуществовать.

На могущее возникнуть возражение, что сталинское государство не пользовалось поддержкой большинства народа и поэтому-де вынуждено было прибегать к массовому террору, можно ответить, что всякая политическая система в состоянии существовать только лишь при активной поддержке меньшинства и пассивном согласии большинства.

Сороковые годы и начало пятидесятых — время, когда культ Сталина достиг своей кульмина-

ции. Годы войны (1941-45) и победа укрепили советский коммунизм. Патриотический и национальный подъем военных лет дал ему иное направление: коммунизм стал превращаться в национал-коммунизм. Послевоенные годы, с следовавшей вскоре волной антисемитизма, разжигавшегося партийным руководством, только усиливали и ускоряли этот процесс.

Все советское, коммунистическое стало отождествляться с русским и в качестве такового противопоставляться иностранному, западному.

Впервые за долгие годы люди с гордостью стали снова называть себя русскими. Ведущая роль России была отмечена и зафиксирована в новом государственном гимне: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь...»

Подкрепленная патриотизмом, национализмом и ореолом победы над Гитлером коммунистическая идея вновь увлекла массы, и политическое положение власти внутри страны после войны укрепилось как никогда.

Сталин стал отождествляться с родиной. Воскресла старая формула: «за веру, царя и отечество», которая теперь звучала так: «За Сталина, за родину, за коммунизм».

Сам Сталин всё больше и больше превращался в божество — всевидящее, всезнающее и ...никому не видимое.

Молодежь, как наиболее чуткая часть народа, была захвачена новым национал-коммунистичес-

ким угаром¹⁰. Имя Сталина стало для нее знаменем.

В эти же годы окончательно сложился и окреп правящий класс, пользовавшийся, кстати сказать, гораздо большими реальными привилегиями, чем дореволюционное дворянство.

Но этот расцвет советского общества оказался тем кульминационным пунктом, с которого начинается упадок.

Несмотря на почти непрерывные успехи сталинской власти — небывалое территориальное расширение советской империи, полный контроль над Восточной Европой, приблизившаяся одно время к реальности мечта о Дарданеллах, упрочившееся положение в Азии и т. д., — она вдруг стала терпеть поражения.

Первым из них был провал попытки коммунистов захватить власть в Греции. Греция осталась форпостом свободного мира на Балканах.

Вторым, более значительным поражением, свидетельствовавшим к тому же о возникновении кризиса в коммунистическом мире, был откол Югославии от мировой коммунистической системы. Он стал реальным примером, соблазном и потенциальной возможностью для других коммунистических стран. Всемогуший Сталин не смог справиться с маленькой Югославией: все его по-

¹⁰ См. «Грани» № 80, свидетельство В. Осипова, представителя молодежи тех лет, в его очерке «Площадь Маяковского, статья 70-ая», стр. 110. — Р е д.

пытки свергнуть режим Тито окончились также полным провалом.

Кроме поражений во внешнем мире, начались трудности внутреннего порядка: впервые за много лет советские граждане, вопреки политике изоляции советского правительства, получили возможность знакомиться с бытом и нравами Европы.

Солдаты и офицеры советских оккупационных войск, стоявших за границей, несмотря на национал-коммунистический угар, охвативший после войны большинство населения, сравнивали западную жизнь с советской отнюдь не в пользу последней.

В результате участились случаи бегства советских военнослужащих на Запад: среди воинских частей, стоявших в Восточной Германии, трудно было найти такую, в которой не насчитывалось бы беглецов.

Внутри самого советского общества нарастало недовольство правящего класса: он желал обезопасить себя гарантиями, наслаждаться всеми благами жизни и пользоваться всё большими привилегиями. Безграничная власть одного диктатора тяготила его всё сильнее. Пока существовала сталинская диктатура, правящий класс не мог быть спокойным за свою судьбу: «чистки» продолжались и после войны; «исчез» Вознесенский; произошел разгром партийной организации Ленинграда; была проведена чистка в армии; назревали новые политические показательные процессы, по образцу тридцатых годов, которые в ка-

честве примера и напоминания проводились в странах-сателлитах.

Кризис в стране нарастал. Его послесталинскими плодами были зародившийся, по-видимому, именно в те годы «ревизионизм», хрущевская разновидность которого спустя несколько лет победила в СССР, и «либеральный» коммунизм, оказавший впоследствии на движение пятидесятих-шестидесятых годов такое ощутимое влияние и приведший к краткосрочной чехословацкой «весне».

20

Смерть Сталина (1953 г.) и последовавшие за ней изменения во внутренней и внешней политике, завершившиеся «разоблачением культа личности», углубили раскол в коммунистическом лагере и обнаружили перед всем миром возникший еще при Сталине кризис коммунизма.

Хрущев, с поддерживавшими его представителями нового правящего класса, вынужден был пойти на «десталинизацию», хотя она и не могла быть последовательной и проведенной до конца. Для этого было несколько причин, имевших личный, политический и экономический характер.

Важнейшей из них — личной — причиной «десталинизации» была борьба Хрущева и его группы за власть. Чтобы прийти к власти, Хрущев, с его сторонниками, должен был сначала уничтожить главных сталинистов, занимавших при жизни диктатора высокое положение и бывших

в глазах партийных масс наследниками его престола. Хрущев и его сторонники, хотя тоже находились на видных постах, но по сравнению с такими, как Берия, Маленков, Молотов, Ворошилов, — были людьми «второго круга». Опираясь в борьбе за сталинский престол на степень близости к «усопшему вождю» для них не имело смысла, а о том, что Сталин на пороге своей смерти готовил новую чистку, жертвами которой должны были пасть многие из его старой гвардии, в то время было известно лишь очень небольшому кругу лиц.

Сталинисты «первого круга» крепко сидели на своих местах и (в сочетании своих имен с именем Сталина) пользовались всеобщей известностью и даже своего рода популярностью. Поэтому пока имя Сталина не было дискредитировано, они в своем стремлении сохранить власть имели полную возможность по отношению к противнику действовать все теми же сталинскими методами.

Следовательно, первое, что предстояло совершить Хрущеву, — это именно дискредитировать сталинские методы, подорвать веру в непогрешимость вождя и развеять миф о его «божественности».

Людей «второго круга» поддерживала среда партийно-хозяйственной бюрократии. Как уже было сказано выше, новый правящий класс желал поскорее обезопасить себя гарантиями, пользоваться привилегиями и брать от жизни все те блага, которыми до сих пор не обладал. Состав его был определен безответственностью дикта-

туры, широко отворяющей двери любым ничтожествам и требующей взамен деловых качеств преданности данному «хозяину» и «готовности на всё».

Именно люди подобного сорта составляли (и составляют по сей день) преобладающее большинство правящего класса. Естественно, что они менее всего в состоянии быть либералами и желать какой-либо либерализации или демократизации общества; любая гласность или общественный контроль означают угрозу их благополучию, персональную ответственность за те преступления, ценой которых они добрались до своих привилегий и власти, и раскрытие их неспособности управлять страной.

21

Естественно, что политическим идеалом правящего класса было сохранение сталинских порядков без Сталина и его отношения к партийной бюрократии. *Сталинский режим — для народа, десталинизация — для правящего класса* — вот программа (и одновременно политическая формула) советских «реформаторов».

Однако она оказалась неосуществимой. Жизнь очень быстро стала вносить в нее свои поправки. В результате возникло множество разнообразных противоречивых и трудных проблем, разрешить которые было невозможно, не изменив основ сталинской политики сначала по отношению к низшим партийным кадрам, а затем — и ко всему народу.

Проблема №1. Судьбы коммунистов, осужденных и заключенных еще при Сталине в концлагеря.

Реабилитация их или, как минимум, пересмотр и смягчение приговоров неизбежно влекли за собой хоть и частичный, но пересмотр и смягчение оценок тех политических оппозиционных течений, которые при Сталине считались антисоветскими. Только это могло придать убедительность и необходимость юридической реабилитации. Но даже самый умеренный пересмотр такого рода неизбежно приводил бы к снятию с деятелей партийной оппозиции клейма «изменников народа», «шпионов» и т. д., в результате чего они сначала выглядели бы последовательными и честными борцами против нарождавшегося в те годы культа Сталина, а затем — и его безвинными жертвами. Соответственно с этой метаморфозой морально-политический авторитет руководителей, оставшихся у власти, стал бы блекнуть, а затем и совсем исчезать. К тому же, все это создало бы нежелательный для правящей верхушки прецедент, который мог нарушить вторую часть формулы: «десталинизация — для правящего класса», т. к., признав однажды законность и закономерность послесталинской реабилитации, новая власть неизбежно должна была бы применять их и впредь по отношению к каждому представителю правящего класса.

Несмотря, однако, на все грозившие последствия, новое правительство все-таки пошло на реабилитацию и на осторожный частичный пере-

смотр политических оценок оппозиции. Последний осуществлялся в газетных и журнальных статьях (меньше — в художественной литературе) и, в завершение, был запечатлен в новом (хрущевской эпохи) курсе Истории партии.

В этих шагах сказались не только политическая растерянность, слабость и отсутствие в тот момент общего, приемлемого для всех партийных кланов курса, но и трагический политический тупик сталинских наследников. Естественно, что полной неудачей окончилась последовавшая за этим попытка ограничиться реабилитацией только коммунистов и уголовников.

В ответ на разоблачение «культа Сталина» (осторожное и непоследовательное, которое скорее выглядело «дружеской критикой его ошибок», а не раскрытием его чудовищных преступлений) в концлагерях вспыхнули забастовки, бунты и восстания, создавшие угрожающее положение в стране. Правительство вынуждено было для общей разрядки атмосферы частично распространить реабилитацию и на политических заключенных, распустить значительное количество концлагерей, а оставшиеся преобразовать из лагерей уничтожения в лагеря принудительного труда, хоть и с очень тяжелым режимом, но с видимостью соблюдения законности и порядка.

Отказавшись от набора в лагеря по разнарядке, новому правительству пришлось отказаться и от рабовладельческого сектора народного хозяйства. Таким образом, и первая часть формулы — «сохранение сталинских порядков для народа» —

оказалась несостоятельной, правда, всего лишь в течение первых двух лет после смерти Сталина.

Проблема № 2. Неизбежность изменения внешней политики.

Политика с позиции силы, проводившаяся Сталиным, поставила страну на грань войны, а следовательно, и на грань катастрофы. Была военизирована вся жизнь страны. Выдержать гонку вооружений в тех масштабах, в которых она шла при Сталине, не было сил. Продолжение ее означало крах всей экономики и полное обнищание населения, и без того находившегося на крайне низком жизненном уровне. Не обладая ни сталинской силой, ни сталинским авторитетом, новые руководители не могли себе позволить этого, отлично сознавая, что дальнейшее понижение жизненного уровня населения грозит им взрывом недовольства в стране.

Кроме того, война уже началась. Она велась на полях Кореи и каждый день могла перекинуться на Европу. Это было бы началом третьей мировой войны.

Как бы ни были посредственны сталинские преемники, они понимали, что война в первой половине пятидесятых годов неизбежно должна окончиться сокрушительным поражением СССР и его сателлитов.

Запасов продовольствия в этом случае могло хватить менее, чем на год, при самых оптимистических подсчетах, и без войны вся страна голодала, — «показательно» снабжались только Москва и Ленинград.

Содержание огромной армии пожирало колоссальные средства, нахождение которых все более затруднялось и было связано с перенапряжением экономических сил страны.

Сателлиты были ненадежны и требовали неустанного политического и военного контроля; содержание на их территории оккупационных войск и местного партийно-государственного аппарата шло на советские средства. Но и при таком жестком контроле эффективность помощи со стороны сателлитов в случае войны была бы крайне сомнительной.

Не говоря уже о ГДР, население которой восприняло бы войну как сигнал к восстанию и армия которой была на деле резервом НАТО, во всех остальных странах-сателлитах (в первую очередь в Польше и Венгрии) вспыхнули бы восстания и партизанские войны.

Атомная мощь Советского Союза в то время еще сильно уступала мощи США.

И даже преимущество советских сухопутных сил, столь пугающее Запад, по сути дела было эфемерно и могло послужить СССР лишь в первые месяцы войны.

Долго держать под своим контролем побежденную враждебную Европу советская армия была бы не в состоянии. Помимо того, что очень скоро начало бы сказываться техническое и экономическое преимущество Свободного мира, ясно обозначилось бы и морально-идеологическое превосходство идей свободы и демократии над деспотизмом и насилием.

Слишком высокую цену заплатил мир накануне за увлечение тоталитаризмом. Свобода стоила огромных жертв и совсем недавно была обретена вновь. Ужасы нацизма были еще слишком свежи в памяти у всех. Коммунизм же ничего, кроме рабства и нищеты, Европе предложить не мог.

Движение Сопротивления, которое сразу же возникло бы в порабощенных коммунизмом странах Европы, было бы куда сильнее антифашистского, ибо опиралось бы на его опыт. К тому же, СССР не обладал ни военно-техническим преимуществом Германии в начале Второй мировой войны, ни политическим единством народа, которого удалось добиться гитлеровцам, ни вождем, окруженным ореолом непогрешимости и непобедимости, необходимость в котором особенно сказывается в годы войны.

Новое руководство понимало, что при этих условиях война была бы равносильна самоубийству. Отсюда исходило решение изменить внешнюю политику СССР и идеологически обосновать её. Так возникла теория мирного сосуществования.

Чтобы преодолеть политический тупик, в который Сталин завел мир и при котором война могла вспыхнуть наперекор желанию советского руководства, нужно было смягчить обстановку: отказаться от политики балансирования на грани войны, от разжигания новых очагов войны, от территориальных притязаний к суверенным странам (Турция), от попыток вооруженного захвата власти в других странах (Греция), от разжигания революции в демократических странах (Франция,

Италия); необходимо было принять статус-кво в Европе (т. е. признать ФРГ).

Изменялась не цель, а средства. Цель оставалась прежней — мировое господство. От нее коммунизм никогда не откажется, потому что она составляет его сущность.

Всякое учение, претендующее на полную, абсолютную и неоспоримую истину, естественно и неминуемо должно стремиться *всеми средствами* к распространению этой истины среди всех народов... Такова судьба многих религий в период их расцвета. Коммунизм же — не только политическое течение и мировоззрение. Он стремится дать ответы на все вопросы и охватить всю жизнь человека. Коммунизм нельзя доказать, ибо он абсурден, противоречит истории и человеческой натуре. Поэтому в него, как в божество, можно только верить. Может быть, коммунизм и есть последняя в истории человечества попытка создать мировую религию.

Поскольку, как мы сказали выше, расцвет всякой мировой религии, а следовательно и коммунизма, неизбежно связан со стремлением к универсальному распространению, признание идеи «мирного сосуществования» — всегда признак слабости, заката.

Таким признаком слабости (военно-экономической и идейно-политической) был отказ советского правительства от сталинского курса внешней политики.

Конечно, он означал лишь отказ от подготовки к большой войне, но ни в коем случае не от-

каз от ударов по слабым местам обороны Свободного мира, от малых войн, ведущихся, главным образом, силами сателлитов, от разжигания внутриполитических конфликтов (но уже не революций!) в демократических странах, от широкого пропагандного наступления на демократический лагерь.

Проблема № 3. Раскол коммунистического движения, возникший при Сталине и по его вине.

Необходимо было преодолеть этот раскол и вновь привлечь на свою сторону Югославию, если не в качестве сателлита, то как прочного, надежного союзника.

Югославия в тот период была очень серьезной опасностью для советского коммунизма. Впервые оппозиционное коммунистическое течение обладало собственной государственной базой и создавало опасный прецедент для других стран-сателлитов. Кроме того, югославский пример способствовал возникновению оппозиционных групп и фракций в рядах мирового коммунистического движения, а при благоприятных обстоятельствах (они как раз и возникли после смерти Сталина) югославские идеи могли встретить сочувствие и понимание и в среде советских коммунистов.

Сам факт существования параллельного коммунистического течения ослаблял позиции советского коммунизма в его идеологической, политической, а возможно, и военной борьбе со странами Свободного мира.

Для преодоления кризиса внутри самой комму-

нистической системы необходимо было отказаться от сталинских методов разрешения межкоммунистических споров. Более того: следовало публично осудить эти методы и осудить самого Сталина. На меньшее Тито не пошел бы.

Кроме трех первоочередных проблем, упомянутых выше, существовали и другие не менее важные, но требующие более осторожного подхода и тщательного изучения.

Такой проблемой, например, было положение закрепощенной деревни. Страна не могла существовать за счет собственных сельскохозяйственных ресурсов. Коллективизация нанесла такой удар по сельскому хозяйству, оправиться от которого Россия не может до сих пор.

Единственно верным решением вопроса был бы, конечно, отказ от принудительной коллективизации с ее принудительными поставками продуктов государству по символическим ценам. Но решиться на такой шаг, могущий радикально разрешить проблему, партийные руководители не могли. С их точки зрения, это означало осуждение не только Сталина, но и остального руководства (т. е. их самих), отказ от привычных и удобных методов управления и эксплуатации крестьянства, а главное — это могло привести к экономической, а в конечном счете, и политической независимости народа. Поэтому партийное руковод-

ство предпочло, сохранив крепостное право, несколько ослабить «барщину». Так, было принято решение о повышении закупочных цен, повлекшее за собой повышение цен на продукты для всего населения.

Следующей важной проблемой была реорганизация управления промышленностью. Созданная при Сталине бюрократическая система была громоздкой, требующей содержания огромного контрольно-управленческого аппарата. Расход на содержание его падал, естественно, на плечи рабочего класса. Отсюда — крайне низкий уровень зарплаты советских рабочих, особенно в годы сталинщины. Но не это было для правительства важно; существующая система тормозила развитие производительных сил страны.

Не только рабочие, но и руководители промышленности не были заинтересованы в развертывании производства новой продукции и в улучшении ее качества. Успех работы измерялся процентом выполненного плана, а улучшение качества товаров и производство более совершенного оборудования могло снизить этот процент; снижение его грозило материальными и служебными неприятностями для руководителей.

Единственно правильным выходом было бы в корне изменить порочную систему: создать рабочее самоуправление и сделать администрацию ответственной перед этим самоуправлением; ограничить доходы государства налогом с предприятий, предоставить самую широкую автономию предприятиям, создав тем самым хозяйственную

конкуренцию, и допустить участие рабочих в распределении прибылей. Но, как и в случае сельского хозяйства, новое партийное руководство меньше всего занимали интересы народа. Его беспокоило одно: как сохранить над народом власть. А с этой точки зрения, всякое предоставление народу хозяйственной независимости от государства казалось опасным, т. к. могло привести к политическим потрясениям.

Поэтому и здесь руководство выбрало путь сохранения старой системы при весьма ограниченном ее улучшении. В этом и состоит суть «экономических преобразований»: от провалившихся хрущевских совнархозов до косыгинских «реформ».

Для укрепления власти следовало повысить (хотя бы минимально) жизненный уровень населения. При Сталине пенсии существовали номинально: одинокие старики были обречены либо на нищенство (буквальное), либо на голодную смерть. Товаров в магазинах не было, и «достать» что-либо для советских граждан было проблемой, которую решить без помощи спекулянтов было почти невозможно.

Вследствие этого правительство вынуждено было пойти на минимальное повышение пенсии, на закупку некоторого количества импортных товаров ширпотреба и на некоторое улучшение качества советских товаров.

Но даже такие ограниченные меры, направленные к повышению жизненного уровня населения, нуждались в объяснениях и теоретическом оп-

равдании, т. к. сталинская пропаганда десятилетиями внушала народу, что его жизненный уровень — самый высокий в мире; поэтому открытое признание преимущества зарубежных товаров над «отечественными», с точки зрения правоверных коммунистов, уже было «ересью» и «ре-визионизмом».

Подведем итоги. Новое, сменившее Сталина партийное руководство выражало интересы правящего класса партийно-советской и хозяйственной бюрократии. В силу ряда общеполитических и своих «классовых» интересов, а в первую очередь — из страха перед народом, руководство это *вынуждено* было пойти на частичную «десталинизацию».

«Десталинизация», проведенная столь ограничено, не разрешила ни одной из стоявших перед государством проблем; она не только не укрепила коммунистический лагерь, но, не преодолев уже существующий раскол (титовский), вызвала новые расколы (китайский, румынский, кубинский, чехословацкий).

Однако открытое признание ошибок человека, до сего времени считавшегося в коммунистическом мире непогрешимым, породило то, чего больше всего боялись наследники Сталина, — сильное брожение в стране, вылившееся со временем в общественное движение.

Общественное движение, зародившееся после смерти Сталина и особенно развившееся вследст-

вие «десталинизации», складывалось из двух течений, условно определяемых как «либеральное» и «нигилистическое». Оба течения состояли, в свою очередь, из разнородных групп, в состав которых опять-таки входили люди с разными политическими взглядами и мировоззрениями. И все-таки существовало нечто общее, что объединяло, с одной стороны, «либералов», с другой — «нигилистов».

«Либеральное» течение исходило из коммунистической идеологии; среди его деятелей были члены партии и беспартийные, разделявшие марксистско-ленинское мировоззрение. Их целью и задачей было улучшить советский строй, возвратив его к «ленинским нормам в партии и государстве», под которыми подразумевалась некая разновидность титоизма. «Либералы» боялись народного взрыва и считали, что для предотвращения его необходимы правовые и экономические реформы, относительная свобода литературного творчества, расширение контактов в области культуры с Западом.

Наиболее умеренная группа «либералов», связанная с окружением Хрущева и с ним самим, поддерживала его курс, пока Хрущев не поддался влиянию скрытых неосталинистов.

Выразителем мыслей и идей «либералов» были: Эренбург («Оттепель»), Дудинцев («Не хлебом единым»), Твардовский («Василий Теркин на том свете») и другие, группировавшиеся вокруг журнала «Новый мир».

Было у «либералов» и свое радикальное крыло, шедшее в требованиях дальше других. Представители его создавали подпольные группы и вели подпольную пропаганду, пытаясь создать партийную и народную оппозицию режиму. Их главными требованиями были: последовательная и решительная десталинизация, свобода творчества в области культуры, экономические реформы по югославскому образцу, внутрипартийная демократия, прочные правовые гарантии, сосуществование идеологий. Наиболее последовательные из них требовали демократических свобод, с признанием свободы политических партий, печати, собраний и т. д.

Это крыло состояло, главным образом, из молодежи. Наиболее известной из его групп, возникших в середине пятидесятых годов, была, например, марксистская группа Краснопевцева¹¹, состоявшая из молодых преподавателей и студентов Московского университета и пользовавшаяся поддержкой среди коммунистической интеллигентной молодежи.

Большинство этих групп было разгромлено КГБ, а члены их — осуждены закрытыми судами на долгие сроки заключения.

В первый период — от официального признания ошибок Сталина (XX съезд КПСС, февраль 1956 года), и до Венгерских событий (октябрь 1956 г.), — «либеральный» коммунизм имел наибольшее влияние на молодежь, т. к. она, как, впрочем, и

¹¹ См. «Грани» № 80, стр. 146. — Р е д.

почти все население СССР, была не знакома ни с какой другой идеологией; знание иностранных языков было очень ограничено; средства информации состояли только из казенной прессы; иностранные радиопередачи глушились; общения с иностранцами не было; туристические поездки на Запад еще не практиковались.

Но это длилось недолго: «десталинизация» потянула за собой реабилитацию и возвращение из лагерей миллионов заключенных; страшная правда стала распространяться среди народа, получая при этом подтверждение сверху. О ней начали писать в газетах и книгах.

Все мыслящие люди России — в первую очередь молодежь — жадно искали ответа на вопрос: как могло все это произойти?

Ответ нового руководства гласил: это произошло потому, что Сталин узурпировал всю власть в государстве, допускал ошибки, создал культ своей личности. Ответ этот, конечно, никого удовлетворить не мог. Сразу возникали новые вопросы: а где была партия, когда Сталин создавал культ своей личности? Как вообще может быть создан культ одного человека им самим или, в лучшем случае, небольшой кучкой его приближенных? Ответ, что виной культа Сталина был... культ Сталина, был не только нелеп, но и противоречил марксистско-материалистическому пониманию истории. Впрочем, и всякому пониманию истории...

Мыслящим людям становилось всё яснее, что культ Сталина порожден самой системой и что она и не могла не породить его, как и всякая бес-

контрольная диктатура. К тому же, тоталитарное учение и создает тоталитарный строй.

Однако в те годы еще трудно было сделать последний вывод. Большинство носило шоры марксистского мировоззрения, поэтому, признавая порочность существующей системы, выход искали в возвращении к «ленинским нормам». ореол Ленина еще сиял для большинства советской интеллигенции. Привыкнув к культу одной личности — Сталина, — люди в своей борьбе против него обращались к другой личности — Ленина. Как известно, духовный максимализм присущ русскому складу характера.

Успеху «либералов» способствовало и то, что в их распоряжении был журнал «Новый мир», объединивший вокруг себя наиболее талантливых авторов.

Влияние «либералов» было последним проявлением духовной связи поколений в СССР. Вскоре пути «отцов» и «детей» резко разошлись.

24

Молодежь не могла долго оставаться под влиянием всё более компрометирующих и изживающих себя идей. К тому же появился ряд новых факторов.

Первым фактором было подавление Венгерской революции (октябрь 1956 г.), которое всем показало, что сущность коммунизма осталась той же, что и при Сталине. Несмотря на то, что револю-

ция по составу участников была рабочей, по целям — социалистической, а на своем конечном этапе возглавлялась коммунистическим правительством, она была подавлена советским правительством со зверской жестокостью.

Между Венгерской революцией и Кронштадтским восстанием — много общего: высокий процент участников-коммунистов; участие всех недовольных диктатурой: от либеральных коммунистов до социалистов и демократов; выдвижение народных форм власти — ревкомы и рабочие советы на предприятиях.

Революция венгров была не буржуазной и националистической, а народной. И правда о ней, проникавшая в Советский Союз через иностранное радио и иностранных туристов, вызывала горячий интерес и сочувствие у передовой советской молодежи.

Второй важный фактор — общение с иностранцами: например, Московский молодежный фестиваль 1957 г. На нем российская молодежь впервые получила возможность широкого и относительно бесконтрольного — из-за физической невозможности КГБ за всеми уследить — общения с молодежью Запада¹².

Третий фактор: внутрипартийная борьба из-за развенчания Сталина и связанное с ней падение престижа власти.

Четвертый фактор: проникновение в СССР (пос-

¹² К сожалению, многие некоммунистические молодежные организации не учли столь благоприятной для дела демократии возможности и бойкотировали фестиваль. — И. Р.

ле сорокалетнего перерыва) свободной антикоммунистической литературы.

Пятый фактор: забастовки и бунты, прокатившиеся по всей стране, как результат крайнего недовольства населения своим материальным положением.

25

Ответом на все эти события было возникновение нового, исключительно молодежного течения, получившего название «нигилистического». По своему составу оно было еще более разнородным, чем «либерально»-коммунистическое, но, в противоположность последнему, не носило ни чисто политического, ни идеологического, ни эстетического характера, хотя все эти элементы в нем присутствовали.

«Нигилизм» пятидесятых годов был первым в истории советского общества открытым «протестантским» движением, возникшим как следствие глубокого кризиса коммунистической идеологии и государственности. Рождение его было стихийным: молодежь — наиболее чуткая часть общества — интуитивно ощутила, что страница истории, на которой был начертан символ коммунистической веры, перевернулась... С «нигилизма» пятидесятых годов оборвалась духовная преемственность поколений в советском обществе.

В первую очередь движение «нигилистов» было протестом против тирании убеждений. Молодежь, будучи незнакома (или почти незнакома) с дру-

гими политическими и идеологическими системами, кроме коммунистической, которая претендовала на абсолютную истинность и душила каждую свободную мысль, считала, что таково свойство всех «позитивных» идей.

Это мнение невольно поддерживалось и теми западными писателями, которые отличались критическим отношением к своему обществу. Их охотно переводили в СССР, предполагая, что произведения этих писателей будут способствовать «разоблачению буржуазного мира и его морали» в глазах советских читателей. Случилось же как раз наоборот: именно в умонастроениях и идеях этих писателей молодежь находила полное созвучие со своими чувствами и черпала у них обоснования своим бунтарским и нигилистическим настроениям.

Поскольку свои писатели, которые могли бы стать «властителями дум», партийной цензурой не пропускались, западные сделались для молодежи «своими». Увлечение Ремарком сменялось увлечением Хемингуэем, Грином, Бёллем; общим у них всех было только одно — критический подход к современному западному обществу и положительным идеалам вообще.

Эта встреча нашей молодежи с западными писателями — один из самых грустных парадоксов советской жизни.

Если у «нигилистов» не было политических убеждений, то у них были все-таки политические увлечения. Так, например, многие из них пережили романтическое увлечение Фиделем Кастро в

первый период его деятельности. Он импонировал молодежи своим возрастом, бунтарством, энергией, простотой общения с народом и даже внешностью (темные стороны кубинского диктатора в те годы еще не так бросались в глаза). Молодежь противопоставляла Кастро отечественным партийным чиновникам и бюрократам старшего поколения.

Другим увлечением части «нигилистов» был национал-социализм, который в их глазах выглядел, по-видимому, наиболее антикоммунистической идеей. Но оба эти увлечения, как и короткое увлечение анархизмом, были только болезнью роста зарождавшейся оппозиции.

В области искусства «нигилисты» увлекались почти запрещенным при Сталине джазом, а затем — еще более «крамольной» абстрактной живописью, вызвавшей в свое время непреодолимый ужас руководителей партии и правительства.

«Нигилистическое» движение пятидесятых годов возникло в Москве, и местом, где оно впервые открыто заявило о своем существовании, была площадь Маяковского¹³. Здесь стала собираться молодежь — сначала для чтения стихов любимых поэтов и своих собственных, но вскоре площадь Маяковского превратилась в форум, на котором обсуждались волнующие проблемы, заводились споры на философские, литературные, а затем и на политические темы. Площадь Маяковского превратилась в первый свободный клуб в стране, где

¹³ См. «Грани» № 80, 1971, очерк В. Осипова «Площадь Маяковского, статья 70-ая», стр. 107. — Р е д.

не только велись дискуссии, но возникали связи, создавались группы единомышленников, выдвигались вожди. В нем молодежь впервые приобретала политический опыт.

Избрание молодежью площади с памятником Маяковского для места встреч имело символический смысл и определенным образом характеризовало возникшее движение: не как антикоммунистическое, а как «протестантское», бунтарское, направленное лишь против некоторых форм и проявлений советского общества.

Поскольку вначале «нигилизм» почти смыкался с «либеральным» коммунизмом, отличаясь от него лишь бóльшей левизной и активностью, отношение властей к собраниям у памятника Маяковскому было сдержанным. В какой-то момент комсомол и КГБ даже пытались возглавить их и взять под свой контроль, придав им этаким романтико-коммунистический характер. Московский комитет комсомола вступил в переговоры с молодежными вожаками, обещая им предоставить для собраний специальное помещение и создать молодежный клуб. Руководство клубом предлагалось создать даже на паритетных началах, с равным количеством представителей от комсомола и молодежной общественности. Тем самым, впервые после Октябрьского переворота, власти официально или, во всяком случае, полуофициально признали наличие свободной молодежной группировки.

Однако стоило лишь молодежи получить относительную свободу слова и общения между собой,

как в ее среду начали просачиваться некоммунистические идеи, и движение стало все более отходить от своего первоначального содержания.

Но к этому времени кончилась оттепель и наступили первые хрущевские заморозки. Насмерть испуганный брожением в стране Хрущев перешел к испытанной политике массовых репрессий. Переговоры с «молодежной общественностью» были прерваны, и КГБ произвел аресты молодежных вожakov. Собрания у «Маяка» разгонялись дружинниками и комсомольскими оперативными отрядами.

Однако движение подавлено не было. На место арестованных выдвинулись новые вожаки. Начали издаваться подпольные машинописные журналы. Слово «коммунист» сделалось среди молодежи бранным. А само движение, постепенно изживая свой «нигилизм» и теряя коммунистическую окраску, стало принимать всё более зрелый и политически сознательный характер, пока из бунтарско-коммунистического — в поисках новых конструктивных идей — не превратилось в бунтарско-антикоммунистическое.

26

Свержение Хрущева (1964 г.) еще более скомпрометировало коммунизм как идею. «Разоблачитель» Сталина сам был «разоблачен». Власть, казалось, делала всё, чтобы уничтожить остатки своего престижа.

Одно из главных обвинений против Хрущева,

содержавшихся в закрытом письме, в котором объяснялось его отстранение от власти, заключалось в том, что Хрущев «обострил отношения с китайской компартией».

Как известно, руководство компартии Китая важнейшим аргументом против «хрущевского ревизионизма» выдвигало тот довод, что в своем разоблачении Сталина Хрущев зашел слишком далеко. В тот период китайские руководители хотя и признавали «некоторые ошибки, допущенные Сталиным», но настойчиво подчеркивали, что заслуг у него куда больше.

Примерно на той же позиции стояли и советские противники Хрущева. Но, обвиняя его в обострении конфликта с Китаем, они тем самым косвенно подтверждали правоту китайских коммунистов в споре о «десталинизации». Так это и было воспринято наиболее чуткой частью «либерально»-коммунистической интеллигенции. Дальнейшие события показали, что в своей оценке она была совершенно права.

История выдвинула Хрущева в самый трудный и сложный для судеб коммунизма час. Он мог стать советским Тито. Активный, энергичный и наглый, он начал реформы. Но — ничтожный политик, не умеющий размышлять, — не смог загодя продумать всю программу, струсил и повернул вспять. Охваченный жаждой власти и почестей, в недальновидном стремлении к неограниченной диктатуре, он восстановил против себя всех: сталинисты не могли ему простить развенчание Сталина; «либералы» — его идеологические разносы.

Он не смог найти друзей и приблизил к себе врагов. Хитрый интриган, он сумел отстранить от власти старую гвардию Сталина, но, легко поддаваясь влияниям, окружил себя молодыми сталинистами. Они и свергли его, предварительно скомпрометировав в глазах «либерально»-коммунистической интеллигенции, то есть тех, на кого он мог опереться.

Хрущеву дана была возможность начать новую эру. Но он провалился и — живой — впал в небытие.

Хрущевские заморозки сменились заморозками Брежнева-Косыгина.

После свержения Хрущева отношения между «либерально»-коммунистической интеллигенцией и новой властью стали всё более обостряться.

Брежнев и Косыгин — ставленники наиболее консервативной части партийного руководства, воспринявшего хрущевскую «десталинизацию» в качестве неизбежного зла — теперь делали всё, чтобы ее сдержать, ограничить, а со временем и свести на нет.

Очень скоро после падения Хрущева прекратилась публикация литературных произведений, разоблачавших ужасы сталинских концлагерей.

Писатели, известные своими передовыми взглядами, стали подвергаться нападкам, а Солженицын — и прямой травле.

В печати и в выступлениях руководящих деятелей партии и правительства, особенно посвященных минувшей войне, всё чаще, правда, пока что наряду с другими именами, стало упоминаться

имя Сталина как великого полководца, коему страна обязана победой; одновременно всячески замалчивались все темные стороны «сталинской эпохи».

В «Известиях» исчезла рубрика «Борцы за великое дело», под которой печатались биографии выдающихся деятелей партии и правительства, чья «жизнь трагически оборвалась» в годы сталинщины. В партийных осведомленных кругах говорили, что незадолго до смещения Хрущева готовилась реабилитация жертв последнего крупного московского процесса 1938 г., так называемого «право-троцкистского центра», в частности, Бухарина и Рыкова. Но из всей этой группы были посмертно реабилитированы только узбекские руководители Икрамов и Ходжаев. Дальнейшая гласная и негласная реабилитация после прихода к власти Брежнева-Косыгина была полностью прекращена, и ходатайства близких и родных репрессированных неизменно отклонялись.

В качестве примера приведем один факт: в 1964 году рассматривалось дело о политической реабилитации покончившего с собой бывшего руководителя ВЦСПС, старого большевика, участника так называемой правой оппозиции Томского. После смещения Хрущева родным Томского сначала было заявлено, что дело о его политической реабилитации продолжает рассматриваться. А спустя лишь год на их неоднократные просьбы ответили, что Томский не может быть реабилитирован как пострадавший, потому что не был арестован и осужден, а покончил самоубийством; поли-

тически же реабилитировать его не представляется возможности потому, что он был одним из руководителей «антипартийной правой оппозиции».

Да, Томский действительно не был осужден. Единственной же и известной всем причиной его самоубийства был страх перед ожидаемым арестом и пытками. (После смерти Томского все его родные, в том числе и несовершеннолетний сын, были арестованы и провели в лагерях по семнадцать-восемнадцать лет).

27

Чтобы разобраться в том, что происходило после смерти Сталина в России, нужен был политический опыт, свободная информация, знакомство с иными мировоззренческими системами. Всего этого в пятидесятых годах не было и еще не могло быть. Россия оставалась закрытым тоталитарным государством. Свободное слово просачивалось с трудом, а политический опыт приобретался в тюрьмах и лагерях. Тем более поразительны успехи, которых достигло в стране Освободительное движение, начавшееся с идейно незрелого «нигилистического» протеста молодежи и приведшее к распространению нелегальной политической литературы, открытым политическим протестам, демонстрациям и возникновению знаменитого Самиздата.

К середине шестидесятых годов вчерашние «нигилисты» — молодежные вожаки, отбыв срок тюремно-лагерного заключения или «принудлече-

ния» в тюремных психобольницах, вышли на свободу. Они многое повидали, поняли, пережили. Бунтари стали революционерами. Интерес к западному искусству и литературе сменился интересом к русской философии, истории, религии, к современным западным мыслителям. Вчерашний космополитизм сменялся национальным самосознанием. Советская молодежь становилась вновь русской.

Знаменем ее был уже не Маяковский, а Пушкин. Собрания молодежи происходили теперь у подножия его памятника. Пушкин стал символом новой молодежи.

Подведем некоторые итоги.

«Нигилистическое» молодежное движение было исключительно интеллигентским или полуинтеллигентским. Его многие участники — выходцы из высокопоставленных советских семей — были непосредственно связаны с правящим слоем.

Движение возникло под духовной эгидой «либерального» коммунизма, который никакого нового мировоззрения, новой идеологии, кроме надоевшего молодежи марксизма-ленинизма, «диамата», «истмата» и культа Ленина (вместо культа Сталина) дать не мог. Именно поэтому свое отрицание коммунистических ценностей молодежь перенесла на положительные ценности вообще и таким путем пришла к голому отрицанию, найдя ему подтверждение у некоторых западных писателей нигилистического толка. По своему духу движение было космополитическим, — отрицавшим, наряду с другими, и национальные ценности.

«Нигилистическое» движение было очень далеко от других слоев населения, никогда к ним не обращалось, жило замкнутой кружковой жизнью и, по сути, скорее боялось народа, усматривая в нем лишь инертную и слепую массу. В забастовках и волнениях пятидесятых годов, которые носили чисто рабочий характер, движение никакого участия не принимало. И рабочие, со своей стороны, относились к «нигилистам» настороженно, а зачастую и прямо враждебно: ни по своему социальному и материальному привилегированному положению, ни по духу голого отрицания, ни по своим увлечениям Западом эта молодежь не могла быть близка народу.

Новое, пришедшее на смену «нигилистическому», молодежное движение формировалось в определенной мере под влиянием НТС. В отличие от «либерального» коммунизма молодежь нашла здесь новую идеологию и мировоззрение, открывающие новые горизонты и дающие в ее руки идеологическое оружие в борьбе за обновление России. В отличие от интернационализма «либеральных» коммунистов и космополитизма «нигилистов», в отличие от идеологических течений Запада, проникающих в СССР, мировоззрение и идеология НТС — русские, родившиеся и выросшие прежде всего на основе русского философского наследия и исходящие в первую очередь из российского исторического опыта.

Новое молодежное движение, возникшее во второй половине шестидесятых годов, ощущало себя уже русским и потянулось к народу. Оно было

не «бунтарским вообще», а политическим, целенаправленным, искавшим поддержку в народе и находившим ее. В новых демонстрациях протеста участвовали уже не только представители интеллигенции, но и других слоев населения.

Если «нигилистическое» движение возникло как следствие глубокого потрясения, пережитого страной из-за разоблачения Сталина, то новое молодежное движение родилось как результат следующего саморазоблачения власти, связанного со свержением Хрущева (1964 г.).

Главными факторами, оказавшими на это движение влияние и сформировавшими его, были:

1. Арест Синявского и Даниэля (сентябрь 1965 г.) и суд над ними (февраль 1966 г.).

2. XXIII съезд КПСС с подготовлявшейся на нем ресталинизацией (март-апрель 1966 г.).

3. IV съезд советских писателей, с выступлением Шолохова и письмом Солженицына (май 1967 года).

4. Арест Галанскова, Гинзбурга, Добровольского, Лашковой (январь 1967 г.) и суд над ними (январь 1968 г.)¹⁴.

5. Оккупация Чехословакии (август 1968 г.)¹⁵.

¹⁴ См. книгу «Процесс цепной реакции. Сборник документов по делу Ю. Т. Галанскова, А. И. Гинзбурга, А. А. Добровольского, В. И. Лашковой». Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1971. — Р е д.

¹⁵ См. книгу Н. Горбаневской «Полдень. Дело о демонстрации 25 августа на Красной площади». Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1970. — Р е д.

Процесс Синявского-Даниэля, говоря словами Талейрана, «был хуже, чем преступление, он был ошибкой». Даже Сталин понимал, что в XX в. проводить политические процессы над писателями, обвиняя их в том, что они пишут нежелательные для властей литературные произведения, политически нецелесообразно. Когда Б. Пастернак обвинялся в передаче за границу своего «антисоветского» «клеветнического» романа «Доктор Живаго», его не отдали, как Синявского и Даниэля, под суд. Правда, его, как Замятина, не выпустили за границу; и Нобелевскую премию получить не разрешили. Но Хрущев еще понимал, что в наше время судить писателей за их литературное творчество для власти просто невыгодно.

Процесс Синявского-Даниэля всколыхнул всю мыслящую Россию. Весть о последовавших после ареста писателей письменных протестах и демонстрациях разошлась по всей стране. Исчезли последние иллюзии оттепели. Людям стало ясно, что коммунизм, даже в своем «модернизированном», послесталинском обличьи, несовместим ни с духовной свободой, ни со свободой творчества; что все надежды на постепенное мирное обновление жизни России, которые еще сохранились у части советской интеллигенции, несостоятельны; что от новой власти можно ожидать только одного — зажима. Из-за Кремлевской стены поднялся злобный призрак Сталина...

Процесс Синявского-Даниэля и новое моло-

дежное движение резко изменили позиции «либеральных» коммунистов: страх перед ресталинизацией вынудил и их стать на путь более активных выступлений и протестов. В стране стал зарождаться, хотя еще и не оформленный организационно, но фактически единый фронт демократической оппозиции.

Процесс Синявского-Даниэля был не случайной ошибкой, а той, которую неизбежно совершает власть, находясь в состоянии морального, политического, государственного упадка и разложения. Напуганные ростом оппозиционного движения в стране, Брежнев и Косыгин решили судом над писателями «проучить» интеллигенцию, запугать оппозицию, натравить друг на друга интеллигенцию и народ. Получилось обратное: писателей не «проучили», оппозицию не запугали, народ и интеллигенцию не стравили, — поднялась новая волна оппозиционного движения, более политически целенаправленного и идейно зрелого, чем до сих пор; именно процесс Синявского-Даниэля стал первым боевым крещением для новой молодежи: в эти дни она впервые открыто заявила о своем существовании.

На процессе Синявского-Даниэля коммунизм предстал перед всем миром в своем подлинном виде и продемонстрировал, что боится мысли, слова, идей, народа; что его единственный аргумент против них — тюрьма и концлагерь.

В результате процесса Синявского-Даниэля правительство Брежнева-Косыгина расписалось в своей полной политической несостоятельности.

Процесс Синявского-Даниэля вызвал бурю возмущения во всем свободном мире.

Новое партийно-государственное руководство готовилось на предстоящем XXIII (март-апрель 1966 г.) съезде КПСС к политической реабилитации Сталина. Главными препятствиями к этому оно считало сопротивление «либерально»-коммунистической интеллигенции и оппозиционное движение молодежи. Первой попыткой запугать, как мы говорили выше, был процесс Синявского-Даниэля; ту же цель преследовала и развернувшаяся травля Солженицына, особенно ненавистного сталинистам за его «Один день Ивана Денисовича», который стал не только настольной книгой свободомыслящих людей в России, но и знаменем всего антисталинского движения. Кроме всего прочего, «Один день Ивана Денисовича» пробудил в советских людях ощущение их принадлежности к России, интерес к национальному характеру русского народа и к судьбам — прошлым и будущим — своей страны.

В преддверии XXIII съезда начали распространяться слухи, что на нем будет «увенчано здание» (то есть произойдет политическая реабилитация Сталина). Ведь именно на это и были направлены все усилия, вся политика руководства Брежнева-Косыгина. В ответ на готовящуюся ресталинизацию в ЦК КПСС стали поступать письма-протесты, подписанные видными деятелями культуры, зна-

менитыми учеными, писателями, старыми большевиками, рядовыми советскими гражданами, студентами, рабочими, председателями колхозов; начались демонстрации протеста.

В сущности, это движение было *первым подлинно общественным движением в СССР*, объединившим в своих рядах людей разных слоев, поколений, мировоззрений и политических взглядов. Возглавляла его интеллигенция. Власть испугалась и временно отступила: часть речи Брежнева, посвященная реабилитации Сталина, была на XXIII съезде КПСС изъята.

30

IV съезд писателей (май 1967 г.), по замыслу партийного руководства, должен был сплотить консервативные силы интеллигенции, идеологически подготовить и обосновать их идейную платформу и реакцию на оппозицию, но кончился такой же неудачей, как и все предыдущие мероприятия власти. Он прошел в обстановке идейного разброда и сопротивления творческой интеллигенции из «либерально»-коммунистического лагеря. Пожалуй, в истории советской литературы не было более серого и безликого писательского съезда...

Лишь два события на нем нарушили сонную атмосферу: выступление Шолохова и письмо Солженицына, обращенное к делегатам IV съезда.

Шолохов — единственный из крупных советских писателей, кто не постеснялся открыто и

безоговорочно поддержать новый реакционный курс партии. Признанный корифей советской литературы, лауреат Нобелевской премии, он воображал, что своим авторитетом поможет партии в ее борьбе против свободы творчества, но ошибся. Авторитет, славу и талант писателя он растерял давно, подведя на съезде лишь итог своему падению (вспомним, что на XXIII съезде КПСС Шолохов сожалел о том, что Синявского и Даниэля не приговорили к расстрелу).

Правда, в его речи было и нечто новое: Шолохов признал, что Союз писателей «стареет», что молодежь всё меньше пополняет его ряды, а следовательно, идет своей дорогой, что пути старого и нового поколений писателей разошлись... Этим признанием он лишний раз доказал, что та идеология и тот политический строй, защищать которые и литературно «обосновывать» призван Союз советских писателей, безнадежно устарели. Что же касается самого Шолохова, то его жизнь — поучительный пример того, что происходит с писателем, отдающим свой талант на службу недостойному делу.

Другим важным событием на IV съезде писателей было письмо Солженицына. Обращенное к съезду, оно сделалось достоянием всех: его читали и перечитывали, о нем узнали в странах свободного мира, а затем оно снова вернулось на родину в передачах иностранного радио. В этом письме Солженицын — большой русский писатель — протестовал против политической цензуры, убивающей всякое живое слово и мысль,

рассказывал об условиях жизни честных писателей в СССР, о травле, которой он подвергается сам, — об «изъятии» его произведений, замалчивании их, о фактической невозможности публиковаться у себя на Родине. Это письмо — крик боли за всю русскую литературу — было настоящим ответом на выступление Шолохова.

31

В январе 1967 г. в Москве органами КГБ было арестовано четверо из нового молодежного движения: Ю. Галансков, А. Гинзбург, А. Добровольский и В. Лашкова.

Почти сразу же после ареста четырех, их друзья Буковский, Делоне и другие организовали демонстрацию протеста и тоже были арестованы. Несмотря на это, их дело продолжили следующие. Внук бывшего наркома иностранных дел Литвинов, генерал Григоренко, жена Даниэля — Лариса Богораз и их друзья сумели организовать во время суда над четырьмя широкую кампанию протеста, вызвавшую международный резонанс. К ним присоединились крупнейшие деятели культуры на Западе. Об аресте четырех заговорили в международных организациях.

В нарушение всех норм советского процессуального кодекса следствие продолжалось около года. Путем обмана и провокации следствию удалось с большим трудом «собрать нужный материал».

В январе 1968 г. перед Московским горсудом предстали Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова. Гинзбург обвинялся в составлении «Белой книги» — сборника документов о процессе Синявского и Даниэля, в распространении ее (в том числе в адрес советского правительства и ЦК КПСС) и в участии в молодежном машинописном журнале «Феникс 66». Всем остальным инкриминировалась, главным образом, связь с НТС.

Суд над четырьмя, происходивший в обстановке травли подсудимых и издевательства над ними как со стороны «судей», так и «публики» (переодетых чекистов и комсомольских активистов), вызвал еще больший резонанс в общественных кругах. Как и во время процесса Синявского-Даниэля, чувство протеста против очередного судебного произвола власти вновь объединило людей разных возрастов и политических убеждений.

Почти все обвиняемые в свое время принимали участие в «нигилистическом» движении пятидесятых годов, став затем руководителями новой молодежной оппозиции.

Если основной целью процесса Синявского-Даниэля было запугать оппозиционно настроенную творческую интеллигенцию, то главной целью процесса четырех было запугать молодежь, чтобы приостановить новое молодежное движение. Но как первый, так и второй процесс своей цели не достиг: суд над четырьмя активизировал оппозиционно настроенную молодежь и стал новым боевым опытом для нее.

Не помогло также власти и издание указа, под который могли быть теперь подведены любые протесты, демонстрации, распространение рукописных изданий и прочее. Этот указ, нарушивший Декларацию прав человека, которую подписал СССР, правительство даже не решилось опубликовать в центральной печати¹⁶.

Характерная особенность переживших себя и загнивающих режимов — та, что они с фатальной необходимостью нагромождают одну политическую ошибку на другую. Такого рода «ошибкой» было нарушение советским правительством своих же собственных законов на Московских процессах шестидесятых годов.

Эта «фатальная необходимость ошибки» объясняется тем, что власть, утрачивая чувство политической реальности, теряет контакт с обществом и всей страной. И в новой ситуации уже никакие уступки и реформы не достигают своей цели, ибо всё тем же фатальным образом превращаются в «ошибку» и, свидетельствуя о слабости власти, вызывают новые требования со стороны общества.

20 августа 1968 г. советские войска вторглись в Чехословакию. И дата эта стала новой вехой для

¹⁶ См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» от 22. 9. 1966 года: «Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 'О внесении дополнения в Уголовный Кодекс РСФСР (дополнение статей 190¹ 190² 190³)». — Р е д.

российского оппозиционного движения, новым звеном, объединившим людей в их негодовании на власть и стыде за нее.

В связи с событиями в Чехословакии было проведено две демонстрации: одна — солидарности с чехословацким народом в выборе им нового пути, и вторая — протеста против введения советских войск в Чехословакию, организованная на Красной площади 25. 8. 1968 г. В результате ее были арестованы, судимы и сосланы Павел Литвинов, Лариса Даниэль и другие.

В ЦК КПСС и советскому правительству пошел поток протестов от самых разных по своему общественному положению и возрасту людей. Все они подписывались подлинными именами с указанием адресов отправителей. В Москве, Ленинграде, Киеве, Риге и некоторых других городах распространялись листовки с призывами протестовать против интервенции.

Советское правительство потерпело еще одно тяжелое морально-политическое поражение, оправиться от которого вряд ли уже сможет...

Очень досадно и грустно, что Запад и в этом случае не использовал открывшиеся перед ним исключительно благоприятные политические возможности. В период чехословацкого кризиса они были значительно более выигрышные, чем в момент Венгерской революции (1956 г.) или восстания в Берлине и советской оккупационной зоне Германии (1953 г.):

большинство в правительстве и руководстве чехословацкой компартии, не говоря уже о народе,

занимало явно отрицательную позицию по отношению к интервенции и интервентам;

чехословацкий МИД и представительство в ООН выступили против интервенции;

в руководстве КПСС и советском правительстве были разногласия по этому вопросу;

само советское правительство и КПСС, в связи с ростом оппозиции, были непопулярны в стране;

со стороны российской интеллигенции и молодежи открыто высказывалось отрицательное отношение к оккупации Чехословакии;

мировая общественность — от коммунистов до самых правых — осуждала советское правительство и КПСС за интервенцию.

Запад был обязан, исходя как из своих национально-государственных интересов, так и из интересов всего дела демократии и свободы, предпринять эффективные политические и экономические меры против страны-агрессора. Следовало немедленно разорвать дипломатические и экономические отношения с СССР, исключить СССР из ООН, объявить ему экономическую и политическую блокаду. Такие действия Запада окрылили бы, сплотили и активизировали оппозиционные силы всех стран советского блока, включая и СССР. Обострение борьбы чехословацких патриотов, с возможным в тот период переходом к вооруженной борьбе, могло, в свою очередь, втянуть в революционное движение широкие слои народа в других коммунистических государствах и привести к революционным взрывам-резонансам, в первую

очередь, в Польше, Венгрии и ГДР, а затем и в СССР.

В те дни и недели освобождение было близким и реальным... К сожалению, Запад ограничился лишь весьма осторожным словесным осуждением — и только. Для проведения активной и смелой политики нужны активные и смелые деятели, а их на Западе, по всей видимости, нет.

33

Каковы характерные черты современной советской молодежи и в чем ее отличие от молодежи дореволюционной и современной западной?

До сих пор мы говорили, главным образом, о положительных чертах нашей молодежи: о ее тяге к объективным знаниям и культуре, о росте ее политического и идейного самосознания, об ее активности и смелости. Теперь же скажем несколько слов об ее слабых сторонах, но оговоримся заранее: почти все слабые стороны советской молодежи определяются социально-политическими условиями, в которых она живет.

Жизнь советского человека, начиная с раннего детства и кончая старостью, расписана и определена таким образом, что лишает его, как правило, возможности самостоятельно мыслить и действовать.

В первую очередь следует отметить характерные для советской молодежи, связанные между собой, две черты: *пассивность и недостаток*

инициативы. Объясняется это в определенной мере тем, что интеллигентная — студенческая — молодежь из-за минимальных размеров стипендии, с одной стороны, и практической невозможности подработать, с другой, — слишком долго остается в материальной зависимости от старшего поколения. Но и после окончания вуза, как правило, молодые люди попадают на места столь низко оплачиваемые в течение нескольких первых лет, что эта зависимость остается в силе: часто молодожены с высшим образованием и работающие по специальности живут на жилплощади родителей одной из сторон и вынуждены пользоваться не только вещами, но и денежными займами у стариков. Что же касается самой работы, то и здесь дело обстоит не лучше: вследствие громоздкости советского аппарата, мелочной опеки и контроля в любой отрасли службы все работающие превращаются такой системой в чиновников одного огромного, охватывающего все стороны жизни государственного аппарата, выполняют только директивы, «спущенные сверху», и почти полностью лишаются таким путем инициативы и самостоятельности в решениях.

Опека со стороны государства и со стороны старшего поколения давит на молодежь и приводит к выработке в ней вышеупомянутых черт: пассивности и недостатку инициативы.

Поэтому «бунт» молодых в Советском Союзе имеет другие корни и причины, чем «бунт» молодых на Западе, и носит в условиях тоталитарно-полицейского государства значительно менее

яркий характер. «Бунт» западной молодежи связан с пресыщением материальными ценностями, с потерей веры в прежние идеалы и с отсутствием в настоящее время на Западе политической и духовной идеи, могущей увлечь, повести за собой молодые умы и дать им ответ на те вопросы, которые ставит жизнь.

В отличие от обеспеченной всем западной молодежи, советская стоит перед проблемой «не до жиру, быть бы живу», с одной стороны, с другой же — ее не столько волнует потеря прежних идеалов, сколько отсутствие *всякой* духовной пищи, невозможность получать объективную информацию и знания, невозможность путешествовать для ознакомления с жизнью других стран и народов, невозможность приобщиться к мировой культуре. Ее мечты самой действительностью сводятся к жалкому минимуму: паре новых туфель, нейлоновой рубашке и — в далекой перспективе — однокомнатной квартире...

Кроме того, в отличие от западной молодежи, советская не имеет права на «бунт»: за любой протест (даже за простое высказывание собственных взглядов) ее ждет наказание — тюрьма и многолетнее заключение в концлагерь.

Все эти условия и причины логически приводят к следующей характерной особенности советской молодежи, отличающей ее не только от западной, но и от дореволюционной русской, а именно — к *политической незрелости*, вытекающей из очень слабой идеологической осведомленности.

Что бы ни говорили о «железном занавесе» как о понятии якобы «устаревшем», он существует и будет существовать до тех пор, пока в стране властвует бесконтрольная диктатура одной партии.

Вот несколько примеров существования «железного занавеса»: ввоз не только политической, но и философской, религиозной, искусствоведческой литературы объявлен властью «идеологической диверсией» и строжайше запрещен. В букинистических магазинах не продается даже до-революционная философская литература. За чтение заграничных книг по философии и новой истории люди получают многолетний срок заключения в концлагерь строгого режима; за свободное обсуждение современных политических проблем и даже за отдельные оппозиционные высказывания срок еще увеличивается.

Конечно, систематическое оболванивание, введенное в степень государственной политики, наряду с «железным занавесом», воздвигнутым против идей и мыслей, дает свои результаты.

Недавно я был свидетелем одного любопытного разговора в общественном саду, на скамеечке.

Как выяснилось в дальнейшем, беседовали между собой аспиранты и кандидаты наук, т. е. представители квалифицированной интеллигенции. Темой разговора было: отличие советской печати от печати капиталистических стран. Собеседники единодушно признали, что советская печать не объективна, так как выражает интересы только одной партии; западная же, согласно

их представлению, более правдива, так как она, в противоположность советской печати, выражает интересы и взгляды разных партий. Но как выяснилось из разговора дальше, собеседники искренне считали, что западная печать — также исключительно партийная и финансируется теми политическими партиями, органами которых она является.

Разговор этот показателен для политического уровня советских людей. С одной стороны, он демонстрирует политическую оппозиционность интеллигенции, ставшую почти всеобщей, и недоверие к официальной пропаганде; с другой — непонимание и незнание общественной жизни Запада, в которой лишь незначительное число газет партийные и еще меньшее число «финансируется» партиями. А ведь это утверждали представители научной интеллигенции, причем некоторые из них даже ездили за границу!

Не удивительно поэтому, что один из таких квалифицированных в своей отрасли науки интеллигентов с удивлением и восторгом рассказывал мне после поездки в Италию, что «оказывается, в Италии существует много интересных и различных философских систем». А человек этот прекрасно владеет несколькими европейскими языками и более чем критически относится к советской системе.

Да что говорить об интеллигентах-неспециалистах в гуманитарных науках! Один молодой кандидат философских наук жаловался мне, что за всё время пребывания в университете студен-

том он и его сокурсники изучали не философию, а марксизм-ленинизм; вместо же западной философии — марксистскую критику этой философии; что они не прочли ни одной работы классиков философии, так как это не только не поощрялось, но почти запрещалось. Для него, имевшего ученую степень, «открытие» Бергсона оказалось главным событием его духовной жизни.

Для большинства молодой советской интеллигенции духовная жизнь Запада и дореволюционной России — тайна за семью печатями. Испытывая постоянный духовный голод, наша молодежь не в состоянии его удовлетворить.

Людям Запада трудно представить себе ту атмосферу мракобесия и подавления всякой свободной мысли, которая существует в «стране победившего социализма». И не удивительно: весь советский строй и образ жизни настолько фантастичен и иррационален, настолько противоречит тем правовым культурно-политическим нормам и социальным категориям, из которых сложилось западное общество, что люди Запада (за редким исключением), вольно или невольно, «смягчают» его, преломляя через призму своего культурно-исторического опыта и приспособлявая его, таким образом, к своему духовному складу.

Следующая слабая сторона современной советской молодежи — ее *разобщенность*. Всякая общественная самостоятельность в СССР строгойше запрещена. Как известно, легальны только пионерская организация, комсомол и коммунисти-

ческая партия. Донос и арест заставляют людей бояться друг друга. Поэтому круг знакомых у каждого очень невелик. Обычные кружки состоят из 3-4, много — 6-8 человек, и все они изолированы друг от друга. Клубов (в подлинном значении этого понятия) нет; союзов, корпораций «жизни кафе», как на Западе, нет. Иначе говоря, в СССР нет нормальной общественной жизни.

Разобщенность тянет за собой *разъединение и самолюбие*, — еще два греха нашей молодежи. Чем больше кружков, тем больше в них собственных философов и политиков, зачастую самолюбивых и желающих играть главную роль. Это способствует появлению множества доморощенных «философий», «кредо», «мировоззрений». И мало того, что каждый из таких местных божков ни за что не согласится с «мировоззрением» другого божка, — он не примет и никакого серьезного известного мировоззрения из страха потерять свою «самостоятельность» и «оригинальность». Вот так и тратится время и способности на... изобретение велосипеда.

Всё это не противоречит упомянутому выше распространению положительных идей среди молодежи. Но они — положительные идеи большой философии — захватывают лишь наиболее активные в интеллектуальном смысле слои нового поколения.

Еще одна грустная черта советской молодежи — *слаборазвитые в ней этические ценности*. В этом — ее существенное отличие от российской дореволюционной молодежи. Правда, надо ска-

зять, что именно эта черта в большой степени есть логическое завершение темных сторон русской интеллигентской морали, отражающей в себе весьма своеобразную «диалектику» русской интеллигентской души.

Наша интеллигенция — необычное явление в истории России. Русская по корням и духу, но оторванная от родной почвы и пропитанная вся иноземными идеями, она была одновременно и героической, и преступной, и подвижнической, и аморальной. Интеллигентами были врачи-земцы, жертвовавшие жизнью во время эпидемий. Но интеллигентами были и «бесы» Достоевского. Интеллигентом был чистейший из людей — Чехов. Но им же был и Нечаев. Интеллигентом был и аристократ Бакунин, избравший путь международного революционера и писавший покаянные письма царю. Именно в силу этакой «моральной широты» нашей интеллигенции ни одно революционное движение не знает такого количества провокаторов, как русское, — грань между революционером и провокатором зачастую стиралась.

Советская интеллигенция унаследовала, увы, «моральную широту» своей предшественницы, но не унаследовала свойственных ей духовного максимализма и аскетизма.

Большевизм сделал всё, чтобы уничтожить веру в Бога, и если не уничтожил, то загрязнил и «придавил» ее. А без Бога нет высшей нравственной санкции. И проблема заключается не в том, что без Бога «всё позволено» (о «позволении»

вопрос не ставится вообще), а в том, что просто — «бытие определяет сознание».

Подведем итоги. В этой статье, носящей обзорный и конспективный характер, мы хотели высказать некоторые мысли, а может быть, и просто напомнить о них.

1. Состояние России, начиная с Петровских реформ, характеризуется духовным разрывом между верхним слоем и народом, возрастающим взаимным непониманием между обществом и властью, непоследовательностью в проведении необходимых для страны преобразований со стороны власти. С начала XIX века Россия находилась в состоянии кризиса. Молодежь, как наиболее чуткая часть общества, в течение всего этого века была в постоянной оппозиции к режиму, видя в нем силу, мешающую общественному, экономическому и социально-политическому развитию страны. Такие настроения в среде молодежи, переходя от поколения к поколению, держались вплоть до катастрофы 1917 года. Но революция не была фатальной необходимостью. Необходимы были коренные преобразования всей жизни. Для власти они оказались уже не под силу.

2. Теория коммунизма, по которой стала строиться жизнь в России после Октябрьского переворота, не есть революционная преобразующая

идея. Напротив, она глубоко реакционна. По своей внутренней сути она — тоталитарна, нетерпима и претендует на единственное и окончательное разрешение всех жизненных задач. При всех условиях она несовместима со свободой. Общественный идеал видится ею в давно прошедшей стадии развития человеческого общества с упрощенными социальными условиями, с негибким экономическим строем и политическим абсолютизмом. Развитие же человеческого общества свидетельствует о его движении в сторону усложненности, дифференциации и свободы.

Практика коммунизма неразрывно связана с попыткой создать строй, разделенный на две резко противопоставленные друг другу общественные группы: небольшой слой управляющих и лишенную всех прав массу управляемых, — с одной стороны, и с попыткой создать государство абсолютной деспотии, — с другой. Это положение особенно наглядно иллюстрируется на примере СССР.

Большевистский переворот не был прогрессивным революционным явлением; вопреки всем псевдонаучным формулировкам теоретиков большевизма, он в основе своей был реакцией на европейские преобразования Петровской эпохи, протестом против них, стихийным стремлением приостановить историческое развитие России в направлении общечеловеческих идеалов свободы и демократии и повернуть его в сторону старомосковского приказного строя. Но новое советское общество, возникшее после большевистско-

го переворота, не было преемником старого русского общества и не продолжало его традиций. Оно развивалось по своим законам, и мы обозначили его как Переходное.

В своем развитии до конца шестидесятых годов коммунизм в России прошел три стадии:

а) Военный коммунизм — период становления коммунизма. Открытое признание террора и открытое ограбление большинства трудящихся.

б) Концлагерный коммунизм — период высшего расцвета советско-коммунистического общества. Лицемерное провозглашение демократических свобод и превращение всего населения в бесправных и нищих рабов государства.

в) Танковый коммунизм — период упадка и загнивания. Ослабление власти, вынужденные уступки народу. Рост неверия в коммунистическую идею. Ставка на вооруженное подавление усиливающегося сопротивления диктатуре внутри страны и вне ее (Новочеркасск, Восточная Германия, Венгрия, Чехословакия). Власть хочет, но уже не может управлять старыми методами.

3. Первая советская молодежь, принявшая после Октябрьского переворота коммунизм и поддерживавшая его, имела духовно-политическую преемственность вплоть до смерти Сталина. После 1953 года новое поколение стало отходить от «заветов отцов», превратившись к концу шестидесятых годов в силу, противостоящую режиму. Духовная связь поколений советского периода оборвалась.

Новое поколение в настоящее время есть та общественная сила в России, которая противопоставит коммунистическому режиму, свидетельствуя о том, что он безнадежно устарел и, не имея ни смены, ни будущего, исторически обречен.

4. Россия еще не выполнила своего всемирно-исторического призвания. Была Византийско-Московская Русь, затем Петербургская Россия; ныне еще существует Переходная советская Россия, достигшая больших технических успехов, но утратившая свои культурные ценности. Будущее — за Синтезной Россией, которая, развивая и дальше свою индустриально-техническую мощь, освободит труд от эксплуатации коммунистическим государством и сумеет создать новую общерусскую культуру на основе своего богатейшего духовно-исторического опыта.

И эта Синтезная культура скажет миру русское всечеловеческое Слово.

Март 1969 г.